

герои вселенной

МАКСИМ ХОРСУН

Чужая ПОБЕДА

Максим Хорсун

Чужая победа

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4855967
Чужая победа: Эксмо; Москва; 2013
ISBN 978-5-699-60494-4

Аннотация

В реальности межзвездная война вовсе не похожа на киношную!

Никаких космических истребителей, красивых заходов неприятелю в хвост, очередей из скорострельных лазеров... Одинокое блуждание во тьме космоса, прощупывание радаром пространства и стрельба из рельсотронных пушек на огромные расстояния – вот что такое настоящая межзвездная война! А еще – политиканские игры, происки спецслужб и предательство интересов Родины...

Офицер Дальнекосмических сил России Евгений Ильин хлебнул всего этого сполна. Ему предстояло пройти по всем кругам военного ада, побывать в плену у «мумий» – вырожденцев человеческой расы – и выжить в мясорубке генерального сражения за планету Эдем. А главное – на собственной шкуре почувствовать истинную цену чужой победы...

Содержание

Пролог	4
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	32
Глава 6	38
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Максим Хорсун

Чужая победа

Пролог

Миссия: «Рутина».

Задача: патрулирование.

Звезда: Глизе 1 (красный карлик).

Планета: нет.

Особые примечания: считай пятна! Звезда вспыхивает!

Раньше мы полагали, что война в космосе будет походить на воздушную. С фигурами высшего пилотажа, с красивыми заходами неприятелю в хвост, с длинными очередями из скорострельных лазеров.

А на деле все вышло иначе. Совсем иначе. Космический бой похож на подводный. Только вместо сонаров – радары, а вместо толщи воды за бортом – радиоактивная пустота. Тесные отсеки, небритый экипаж, спертый фильтрованный воздух. Многодневные походы в самый безбрежный океан, который только может существовать. А потом встреча с неприятелем. Точнее – с его эхом, с точкой на экране радара. Дуэль на расстоянии сотен и даже тысяч километров. Визуального контакта с неприятелем нет, выстрелы вслепую по показаниям приборов. И исход боя решает одно попадание. Да, единственное.

– На радаре – неизвестный корабль! Вышел из «искажения» на правом траверзе. Расстояние – четыре и пять, курс – сто тридцать пять, скорость – двенадцать.

Данные уже на мониторе. Наших в этом секторе нет, поэтому сразу объявляю боевую готовность № 2. Коротко взывает и тут же умолкает сирена.

– «Оптики», мне нужен силуэт, – говорю негромко, а сам бросаю взгляд в иллюминатор, хотя прекрасно понимаю, что чужака мне не увидеть. За стеклом сияют звезды и серебрится хвост далекой кометы.

– Радарное излучение, – докладывают с радиолокационного поста. – Чужак светит.

Телескопы нашего КК-101 А находят корабль. На мониторе появляется сигарообразный контур. Каких-либо деталей на расстоянии, разделяющем нас, не разглядеть. Секундная паника – с первого взгляда силуэты почти всех крейсеров кажутся одинаковыми, – затем я узнаю абрисы «химеры». Одна за другой в памяти всплывают характеристики этого типа крейсеров: малотоннажные, быстроходные, легковооруженные, легкобронированные; используются в качестве разведчиков или авизо.

– Это «химера», товарищ капитан-лейтенант, – слышу в наушниках голос «оптика».

По проходу проплывает второй пилот. Он занимает кресло передо мной и надевает шлем. Первый пилот приветствует его кивком.

– Подтверждаю «химеру», – отвечаю и сразу принимаюсь командовать: – Приготовиться к включению гравитационных компенсаторов. Курс – сто десять.

Рисунок звезд в иллюминаторе меняется.

КК-101А разворачивается. Опасно подставлять клыкам «химеры» борт.

В рубку wpłyвает командир. Он садится в кресло через проход от меня. Деловито пристегивается ремнями, надевает гарнитуру, выводит свой пульт из ждущего режима.

– Рапорт! – требует, глядя в монитор.

– «Химера» в четырех с половиной мегаметрах. Удаляется курсом сто тридцать пять, – докладываю я.

– Боевая готовность № 1! – объявляет командир. – Штурман! Куда направляется «химера»?

– К астероидному поясу, товарищ капитан, – слышу в наушниках ответ штурмана.

– Рассчитать курс перехвата.

– Есть.

В наушниках звучит доклад из инженерной.

– Компенсаторы заряжены и готовы к запуску.

– Активировать! – приказывает командир.

Начинает расти гравитация. «Ноль-один... ноль-два... ноль-три...» – меняются цифры на центральном мониторе над носовым иллюминатором. Трюкам с гравитацией мы научились недавно, благодаря им экипажи боевых кораблей не размазывает по переборкам во время маневров на высокой скорости.

«Гравитация ноль-шесть». Цифра не меняется. Пока командир не отменит боевую готовность № 1, сила тяжести не пропадет. Во время боя лучше чувствовать под ногами палубу. И не опасаться, что тебя подбросит и перевернет от неловкого движения.

– Рельсотроны? – спрашивает командир.

– Готовы к стрельбе, – слышу я ответ.

– Штурман, курс готов? Идем за «химерой». Скорость двадцать три.

– Есть, – отвечают пилоты по очереди.

В иллюминатор заглядывает Глизе 1. Звезда темна, как венозная кровь. Звезда угрюма и непредсказуема. По количеству пятен на ее поверхности можно вычислить, когда Глизе 1 разродится очередной смертоносной вспышкой. Можно, но это не в моей компетенции. Глизе 1 уходит влево и вниз.

Включаются маршевые двигатели КК-101А. Я ощущаю вибрацию корпуса и мерный гул. Перегрузки нет, ее поглощает система гравитационной компенсации.

Мы начинаем погоню. Наш корабль быстр, но «химера» маневренней. Той еще будет драка.

– «Химера» выходит на разворот! – звучит доклад с радиолокационного.

– Видим луч лазера! – вторят «оптики».

«Химера» целится. Впрочем, это только угроза. Слишком велика дистанция между нами, чтобы дуэль началась. Но расстояние быстро тает.

– Захватить цель! – приказывает командир. – Первый и четвертый рельсотроны! Огонь!

Зачем в необитаемой звездной системе появился этот боевой корабль? Куда он направляется? Если заряд одной из наших рельсовых пушек найдет «химеру», то на ее борту не станется ни одного живого существа, которое можно было бы взять в плен и допросить. Если же «химера» достанет нас, то все эти вопросы сгинут вместе с КК-101А и его экипажем.

Я смотрю в иллюминатор и вижу, что непримечательная звездочка прямо по курсу начинает мерцать. Я полагаю, что это пляшут языки плазменно-белого пламени по пораженной «химере».

Но я ошибаюсь.

В космосе мы не слышим звуков выстрелов. Не слышим рева ракет и взрывов. Не слышим криков тех, кто просит о помощи, умирает или же торжествует.

Но нет ничего страшнее этого мерзкого свиста, с которым вырывается воздух из пробоин в корпусе твоего корабля. С лязгом захлопываются герметичные люки, в ушах трещит, давление в рубке падает. Огонь вспыхивает, но тут же гаснет.

Куска обшивки с правой стороны рубки больше нет. Искрит обнажившаяся проводка, вырывается пар из перебитых трубопроводов. Я смотрю на космос сквозь пробоину, в которой исчезли командир вместе с первым пилотом, и выступившие в какой-то миг слезы исчезают, испаряясь.

Космос пахнет горелым кремнием. Или это так пахнет звезда Глизе 1, которая снова оказывается в поле зрения.

Часть первая

Глава 1

Миссия: «Царь горы».

Задача: состыковаться с атмосферным реактором и вывести его из строя, взломав внутреннюю компьютерную сеть.

Звезда: Грумбридж 1618 (сравнительно молодой оранжевый карлик).

Планета: Геенна.

Особые примечания: мне кажется, союзники не до конца понимают, что такое учения в условиях, приближенных к боевым, и ради победы запросто могут открыть огонь на поражение.

Мы вышли из «искажения» в расчетной точке – в ста пятидесяти тысячах километров над экваториальным поясом дневной стороны Геенны. Местное солнце шпарило нам в дюзы. Мы – это группа прорыва, крейсерский отряд под командованием контр-адмирала Семена Величко.

«Товарищи! – вспомнил я короткую речь Величко. – Поздравляю вас с началом учений «Царь горы», в ходе которых Русская и Европейская Дальнекосмические эскадры будут действовать совместно. Наша цель – получить преобладание в этом секторе пространства. Задача – захватить объекты терраформирующей промышленности условного противника.

Противостоять нам будет гвардейская эскадра Вселенского флота Крылатых. Удачи нам всем, товарищи!»

Геенна еще формировалась.

Это была черная комковатая сфера размером с Луну. Изрытая свежими метеоритными кратерами, исполосованная разломами, из которых лился свет раскаленных пород. Присутствовала жиденькая атмосфера, состоящая из вулканических газов. Возле поверхности даже дули ветры.

– Новый рассвет над новым миром, – проговорил командир нашего корабля – капитан третьего ранга Любимов, и меня на секунду смутила эта неуставная реплика.

Но я почти сразу понял, в чем дело.

Все для нас было новым.

И боевые действия вдали от Солнечной системы. И невзрачные карликовые звезды, каких полно на расстоянии пятидесяти световых лет от Солнца, и кружащие вокруг них чаще всего безжизненные, мрачные миры.

Новыми были гравитационные и фотонные технологии, которыми одарила землян старшая раса – человечество планеты Гнездо. Новыми были биотехнологии, которыми наградила нас другая старшая раса – человечество системы лун Зеленые Острова. Новым были дикость и каннибализм младшей расы – человечества планеты Убежище. Новым был наш статус средней расы – отсталого, зашедшего в технологический тупик человечества планеты Земля.

Новым был и враг – человечество планеты Могила. «Мумии». Тоже старшая раса. Умеют столько, сколько землянам и не снилось. Корабли, основные типы которых в нашем флоте прозвали «драконами», «вивернами», «химерами» и «гарпиями», – чертовски опасны. Их экипажи обладают опытом, полученным в течение столетий захватнических космических войн. У нас же, у землян, есть только пятнадцать лет осторожного освоения межзвездного пространства.

Пока Союзный флот трех миров – Земли, Гнезда и Зеленых Островов – грызся с «мумиями» в приграничном пространстве. Пока мы лишь обменивались с неприятелем нотами и бряцали оружием, но полномасштабной войны было не миновать. Слишком уж серьезную угрозу цивилизациям трех планет (четырех, если считать первобытное Убежище) несли эти замотанные в полосы ткани сухолицые мутанты.

– Курс триста сорок, скорость восемь, – раздался за моей спиной голос Любимова. Я развернул наш ЛК-50, а второй пилот – младший лейтенант Серега Кучер – запустил на пять секунд маршевые двигатели.

– Посты наблюдения! Видите цель? – спросил командир.

На радарх цели нет, «оптики» тоже ничего не видят. Атмосферный реактор, вообще-то, здоровенная штука, но нужно постараться, чтобы разглядеть конструкцию, если она не подсвечена, на фоне темной поверхности. Но условный противник в поддавки играть не собирается и будет соблюдать режим светомаскировки. По тепловому излучению реактор тоже не обнаружить: молодая планета горяча, на инфравизорах сплошные помехи.

– Принять построение «коготь» и следить за тем, чтобы расстояние между крейсерами было не меньше ста километров! – прозвучал в рубке голос контр-адмирала Величко.

Пилоты получили указания по коррекции курса. А командиры тем временем начали переключку:

– КК-98Б – цель не вижу. ЛК-17 – цель не вижу.

– ЛК-50 – цель не вижу, – сообщил Любимов.

– КК-73А – цель не вижу. ЛК-55 – цель не вижу.

Последним вышел на связь командир крейсера, на котором держал свой флаг контр-адмирал:

– ЛК-29 – цель не вижу.

– Шире строй! – отозвался ворчливым голосом Величко. – Смотреть во все глаза!

– Не забывать про заднюю полусферу! – добавил от себя Любимов. – Крылатые где-то рядом!

Но позади нас уже разворачивалась поисковой сетью Европейская Дальнекосмическая эскадра: пятнадцать легких и тяжелых крейсеров. Эти прикроют. Эти в обиду не дадут.

Геенна приближалась. Черно-красная сфера давно перестала помещаться в носовом иллюминаторе. Многочисленные вулканы стреляли в нас магмой, да дотянуться пока не могли. То ли еще будет...

– Товарищ капитан третьего ранга! Есть цель!

Это Любимова обрадовали «оптики». Но прежде, чем наш командир успел доложить контр-адмиралу, отозвался наш сосед по строю – ЛК-17:

– Цель обнаружена!

Любимову осталось лишь подтвердить. Последовала очередная коррекция курса и скорости. Мне и Сереге Кучеру предстоит деликатно ввести наш корабль в атмосферу. Ну а потом и вывести. При мысли об этом у меня покрывались потом ладони. Вообще, крейсера классов КК и ЛК должны были действовать только в безвоздушном пространстве. Но у Геенны гравитация в четыре раза меньше, чем у Земли, и атмосферы той – как кот напугал. Бог не выдаст, свинья не съест! К тому же и командованию флотом, и нашим союзникам из старших рас очень хотелось, чтобы молодые космические силы Земли научились действовать дерзко, решительно и в самых экстремальных условиях.

Геенна притягивала крейсер к себе, как гигантский магнит – железную стружку. Силу тяжести приходилось учитывать при каждом маневре. Азимутальное направление у нас уже имелось, так что оставалось только провести корабль через ядовитые облака. Штурман Полозов выдал курс, следуя которым мы должны были проскочить между двумя действующими вулканами.

Что ж, штурвал от себя – пора посмотреть, так ли страшна Геенна, как нам ее расписывали во время инструктажа.

По условиям учений условный противник расположит вокруг реактора роботизированные оборонные механизмы: ракетные самоходки. Если какой корабль продержится на мушке у робота дольше семи секунд, то он будет считаться уничтоженным. Нам же разрешалось бить роботов из всех стволов – Крылатым не жаль эту рухлядь. Они давно раздумывали, как бы позффективнее ее отправить на покой, но тут подвернулись земляне.

– Это КК-98Б! «Оптики» засекли вспышки по азимуту двести семьдесят! Предполагаем корабли условного неприятеля! Высота – сто семьдесят четыре над поверхностью!

Вспышки – это выбросы плазмы из дюз. Почему ничего не видят радары?

– Что на радарах? – торопливо спросил Любимов.

– Много помех и мелкие отметки, – ответили наблюдатели.

– «Оптики»?

– Пока ничего, товарищ капитан третьего ранга.

– Смотреть! Смотреть у меня!

– Атмосферный реактор прямо по курсу, – доложил я. – Время контакта – три с половиной минуты.

– Держать курс.

– Есть.

Строй «коготь» давно распался. Четыре крейсера расположились на вершинах прямоугольника шириною километров в пятьсот. Наш корабль находился в центре этого прямоугольника, а позади на расстоянии визуального контакта мчал, чтобы прикрыть в случае чего, легкий крейсер ЛК-17. Капитан третьего ранга Любимов, поговаривают, ходил в фаворитах у контр-адмирала Величко, поэтому именно нам досталось самое интересное – стыковка с реактором. Задача сложная, но, черт возьми, это был прекрасный шанс для экипажа ЛК-50 показать себя.

Под брюхом крейсера проплывали пологие горы. Был светлый день, чуть подпорченный черными тучами. В небе сияли звезды. Справа по борту клубился дым, подсвеченный алыми всполохами извергающейся магмы.

Что на самом деле происходит на Геенне, Крылатые умалчивали. Было бы логично предположить, что эта планета – полигон старших рас. А реактор – всего лишь муляж в натуральную величину, ведь никто не станет рисковать действующим оборудованием для терраформинга, тем более – столь дорогостоящим и взрывоопасным. Но землян, по крайней мере – младших офицеров, Крылатые в подробности не посвящали. А нафантазировать можно было что угодно.

– Огневой контакт на левом фланге! – объявил старпом Олег Задорожный. – Крылатые напали на «пятьдесят пятого»!

– Ну, началось, – выдохнул Любимов. – Сколько до цели?

– Две минуты, – ответил я. – Пора начинать торможение.

– Начинайте.

Вокруг носа крейсера вспыхнул венец синего пламени. Иллюминаторы застлала горячая мгла.

Сквозь свист и треск статики прорезался голос контр-адмирала:

– ЛК-55 считается уничтоженным. Мой корабль вступает в бой! Отряду продолжать выполнение миссии.

Все правильно, «контр-адмиральский» ЛК-29 тоже находился на левом фланге.

Экипаж молча переварил сообщение о первой потере. А потом мы вошли в атмосферу – в приповерхностную относительно плотную ее часть, – и всем сразу стало не до того, что происходит на флангах. Скорость была велика, и плазменное облако, возникшее вокруг

корабля, ослепило радары и оптику: самое время нас прихлопнуть! Похоже, план у условного неприятеля был именно таков, но «семнадцатый», следовавший за нами, не стал нырять в атмосферу. Его наблюдатели продолжали смотреть в оба глаза, и комендоры вовремя открыли огонь. Обнаружив роботизированные самоходки, «семнадцатый» стал посылать ракету за ракетой в направлении поверхности.

А потом и мы погасили скорость. Ударили с обоих бортов реактивными снарядами, разряжая пусковые установки. Меня это светопреставление волновало мало, я уже видел реактор: усеченный конус с основанием в добрых двести метров, в его полированном боку отражалось местное солнце. Из усеченной вершины торчали мачты, трубы, антенны и прочая малопонятная мне инженерия. Главное, что я видел стыковочный узел и мой напарник его видел. Узел был стандартным для Крылатых, значит, и мы состыкуемся с ним без проблем. Насколько я знал, «мумии» использовали принципиально иную стыковочную систему.

Тревожные трели не утихали. Нас то и дело облучали радаром наведения. Несколько раз командир приказывал уклоняться. Поскольку сообщения, мол, ваша песенка спета, не поступало, я полагаю, что мы накрывали роботов до того, как истекали отведенные нам семь секунд жизни на мушке.

На верхней площадке реактора среди мачт и антенн что-то взорвалось, раскаленные обломки шрапнелью разлетелись в разные стороны. Очевидно, условный противник посадил самоходку даже на реактор. Но мы срезали ее снайперским выстрелом из носовой турели. А накануне вылета экипажи спорили, будет ли от пневматических пушек, предназначенных для боя в открытом космосе, прок в условиях Геенны.

Последние сотни метров мы буквально ползли, а не летели. Я видел в перекрестье прицела стыковочный узел, еще секунда-другая, и «папа» войдет в «маму». Серега Кучер выравнивал крен и поддерживал высоту. Ветер, как назло, усилился. Обзор в иллюминаторе заслонила громада реактора. В его полированном боку, точно в кривом зеркале, отражалась носовая часть крейсера.

ЛК-50 встряхнуло.

Приехали!

– Стыковка завершена, – отчитался я и защелкал тумблерами, вырубая двигатели.

– Орлы! – похвалил командир чуть охрипшим голосом и тут же выпалил: – Беркович! Ваш выход! Чего ждем? Мы расслаиваться здесь не собираемся!

– Подключаемся, товарищ капитан третьего ранга! – услышал я в наушниках голос командира.

БЧ-116 – группы электронной борьбы.

Болела каждая мышца, словно я не пилотировал космический корабль, а состязался в многоборье. Хотелось стащить шлем, перчатки и вытереть пот. Но нельзя! Любимов мог приказать «отчалить» в любой момент. «Хакеры» заявляли накануне, что им понадобится минут десять на взлом системы условного противника. Десять минут... Это слишком много в бою! Я же положил руки на подлокотники, откинулся на спинку кресла и попытался немного расслабиться.

Но не тут-то было.

– Дела хреновы, ребята, – без обиняков объявил Любимов. – Адмиральский «пятьдесят пятый» вышел из игры, и только что наш защитник – «семнадцатый» – был сбит. Оставшиеся КК ввязались в драку, но долго ли они смогут удерживать Крылатых, никто из командиров четко ответить не может. Слышал, Беркович? Нет у тебя десяти минут!

– А как же Европейская эскадра? – спросил старпом.

– В космосе сейчас такая битва... – протянул Любимов, чуть ли не причмокивая.

Наше место было там. Многочасовое маневрирование, затем раз – вышли в удобное для стрельбы положение! Два – обменялись ударами! Три – разлетелись на сотни или тысячи

километров! И опять – сближаться и маневрировать. А штурм объектов на поверхности планеты – дело десантников и космопехов. Да и тяжеловат наш ЛК для стыковочного узла реактора. А транспортный челнок повис бы на нем как родной.

– Что с кораблем? – спросил Любимов.

– Корабль в норме, – ответил Задорожный. – Отсеки герметичны.

– Хорошо. – Командир тут же переключился: – Беркович? Что у вас?

– К системе подключились. Доступ к исходным кодам открыли, – сообщил главный «хакер». – Начинаем менять протоколы.

– Товарищ капитан третьего ранга, разрешите обратиться! – Кучер выглянул из-за спинки своего кресла. – А если бы мы протаранили реактор? Или всадили в него ракету?

– Упаси Аллах! – отмахнулся Любимов. – Половина этой планетки превратилась бы в радиоактивный шлак.

Я подумал, что Геенна и без того – кусок радиоактивного шлака. Хотя мир молодой, перспективный. Может, лет эдак миллионов через десять на Геенне можно будет выращивать ламинарию и ловить трилобитов к пиву, но ни одно из человечеств до тех времен не доживет. Ни гордые Крылатые, ни рассудительные «островитяне», ни тем более грешные и суетные земляне. Хотя насчет «мумий» я бы не зарекался. Эти гады давно со смертью подружились.

– Товарищ капитан третьего ранга! Приближаются Крылатые!

Наблюдатели четко выдали курс, скорость, расстояние до противника, а я подумал, вот, мол, и финита. Зря отсекали над планетой на непредназначенном для этого корабле. Гробанулись бы за здрасти, а Крылатых все равно не переиграть.

Любимов тихо ругнулся.

«Сейчас, – подумал я, – прикажет расстыковаться и удирать».

– Беркович! Сколько вам еще нужно времени?

– Семь-восемь минут! – прозвучал в наушниках ответ, и я представил, как наши «хакеры» – молодые мичманы во главе с рыжеволосым капитаном-лейтенантом Толей Берковичем – в своем отсеке молотят по клавиатурам, забывая дышать от напряжения. Перекрыть инопланетную операционную систему – а Крылатые все равно инопланетяне, хоть и одного с нами биологического вида, – в такие-то сроки...

– Крылатые не стреляют... – с удивлением отметил старпом.

– Соблюдают правила игры, – проворчал Любимов. – Не рискуют повредить реактор. Выходят на расстояния гарантированного поражения цели.

– Товарищ капитан третьего ранга, готов начать расстыковку, – встрял я.

– Нет! – отрезал командир. – Сидим и ждем, когда компьютерщики управятся.

Улизнуть-то мы не успеем. Похоже, командир решил пожертвовать экипажем и кораблем ради выполнения задания. Как благородно! Контр-адмирал оценит. Может быть.

Повезло все-таки, что это лишь, мать их, учения...

– Кормовая турель! – вновь заговорил Любимов. – На вас одна надежда.

Но корабль Крылатых – это не ракетная самоходка, по нему мы не станем стрелять кумулятивными снарядами. Симуляцией выстрела займутся бортовые компьютеры – и тугодум ЛК-50, и «железо» Крылатых. Так что бой будет представлять собой обмен информационными пакетами, а не 45-миллиметровыми зарядами пневмопушек. От комендоров требуется только навестись поточнее.

– Крылатые – азимут двадцать четыре. Крылатые – азимут пятьдесят девять. Крылатые – азимут триста сорок.

Три корабля. Знать бы, что на нас бросили. Корабли Крылатых мы, не мудрствуя лукаво, называем, как птиц: «вороны», «грифы», «кречеты», «кондоры». Ну и так далее. У Крылатых много разных типов кораблей.

– «Оптики», силуэты есть? – спросил командир.

– Это «вороны», товарищ капитан третьего ранга.
– Подтверждаю «воронов», – сказал через несколько секунд Любимов. – Теперь ясно, почему на радарх черт знает что творится. Беркович? Толя, что там?

– Доламываем.

– Последние минуты твоей жизни идут, Толя.

– Делаем все, что можем, товарищ капитан третьего ранга.

Дурацкая ситуация. И непонятно, что предпринять. Оставалось только сидеть и ждать, когда нас прицельно расстреляют.

Старпом перебрал «картинку» от «оптиков» на основной экран. Я поднял взгляд и увидел ромбовидные тени, мчащиеся над скалами. Это были облаченные в стелс-покрытие легкие крейсеры условного противника. Меньших, чем «вороны», боевых кораблей у Крылатых не было.

– Задание выполнено, товарищ капитан третьего ранга, – послышался голос Берковича. – Система взломана и заблокирована. Реактор переведен в дежурный режим.

– Не рванет? – уточнил Любимов.

– Никак нет, все процессы зациклены. При необходимости можем перевести реактор в штатный режим. Мы его полностью контролируем, товарищ капитан третьего ранга.

– Молодцы. Отдыхайте пока.

Беркович рассмеялся. Рассмеялись и остальные «хакеры».

Да уж, отдыхайте вечным отдыхом.

– Отставить! – беззлобно бросил Любимов. – В настоящем бою заставил бы вас эвакуироваться внутрь реактора, в зону техперсонала. Хрен бы нас кто-то выкурил!

На пульте запиликала тревожная трель: на ЛК-50 наводили орудия.

– Смотрите не промахнитесь! – съязвил старпом.

Секунд через тридцать на связь вышли Крылатые. Как всегда, их командиры безупречно говорили по-русски, и лишь легкий акцент выдавал, что они – не наши.

– Поздравляем вас! – проворковал представитель условного противника. – Вы уничтожены. Возвращайтесь на опорную орбиту, потом по готовности перемещайтесь в пространство Хуракана.

– Спасибо, Крылатый, – любезно ответил Любимов. – Нам больше нечего делать на этой планете.

– Благодарим за бой, союзник. Конец связи!

Хорош бой! Наши комендоры даже выругаться не успели, не говоря уже о том, чтобы сделать хотя бы один выстрел.

– Конец связи! – ответил командир.

– Спасибо да будьте так любезны! – сказал нарочитым тоном старпом Задорожный. – Чайную церемонию развели, индюки надутые.

– Еще бы, – согласился Любимов. – А как же не покурахтаться? День прожит зря, если не покурахтаться. – А потом обратился ко мне и моему напарнику: – Ильин! Кучер! Поднимайте нас.

ЛК-50 набирал высоту неохотно. Корпус вибрировал; двигатели работали на полную мощность, сляясь вытолкнуть корабль вне поля тяготения планеты. Вокруг корпуса возникали турбулентные потоки, и нос крейсера норовил уйти в рысканье.

А в космосе хорошо. Светло, просторно, тихо. Боже, как я привык к этой бездонной черноте, усеянной мириадами крапинок. Корабль идет послушно, четко, словно гвардеец на параде. Исчез болезненный дребезг корпуса, и больше не нужно непрерывно жечь топливо. Две-три секунды – импульс маршевыми двигателями, секунда – импульс двигателем коррекции курса.

Впереди мерцало звездное скопление.

Вообще, в космосе звезды не мерцают, а светят холодно и ровно, но далекие искорки прямо по курсу были космическими кораблями: разгромленной условными противниками Европейской и Русской Дальнекосмическими эскадрами. «Уничтоженным» судам запрещалось выходить на связь. Так, сохраняя радиомолчание, мы стали нырять в «искажение».

Как безмолвные призраки.

Мы исчезали с экранов радаров условных противников, условных победителей – Крылатых.

Глава 2

Миссия: «Фуршет»

Задача: укрепить отношения между союзниками.

Звезда: Эпсилон Индейца (А – оранжевый карлик, В и С – коричневые карлики).

Планета: нет.

Особые примечания: разбор полетов в неформальной обстановке неминуем.

Опорная база Союзнического Флота – тяжеленная станция, доставленная по модулям из разных солнечных систем обжитого людьми пространства, – находилась на высокой орбите планеты, которую земляне называли Хураканом, Крылатые – Местом Дождей, а «островитяне» – Адж-Тхактаа. Станция удерживалась притяжением Хуракана и большой, покрытой узорчатыми долинами луны Иш-Чель в точке либрации. С гигантской конструкцией были состыкованы больше ста кораблей разных типов и модификаций. Первые космические крейсеры землян – ветераны типа КК, более современные ЛК и тяжелые ракетные крейсеры типа «Л». Тут же и «вороны», и «грифы» и «кречеты». Бок о бок с ними – корабли «островитян»: «гидры», «мурены», «барракуды». И еще пара сияющих огнями, точно новогодние елки, исполинов – «кондор» Крылатых и «левиафан» «островитян» – дрейфовали в нескольких десятках километров от станции. Танкеры и грузовики скользили по отведенным им коридорам пространства между станцией и луной Иш-Чель. Или между станцией и Хураканом.

Отсюда мы уходили в долгие боевые походы в необжитый космос: охранять наши звездные системы от «мумий».

Крылатые, «островитяне», «мумии», земляне и еще – дикари с планеты Убежище... Страсти в человеческом зоопарке, раскинувшемся на сотню световых лет, кипели нешуточные.

Кстати, Крылатые всегда писали свое самоназвание с большой буквы. И произносили его так, что мы, земляне, понимали, «Крылатые» – это ни в коем разе не «крылатые». И волей-неволей начинали ощущать свою неполноценность. О «комплексе средних и младших рас» можно было прочесть в современных работах по психологии, они имелись в свободном доступе, и я даже держал в «читалке» одну такую книгу – ее мне рекомендовала хураканская подружка. Честно пытался прочесть, но лишь выяснил, что психология – это вне сферы моих интересов.

А какими франтами Крылатые выхаживали по коридорам адмиральского модуля: в белоснежных парадных мундирах, все статны и у каждого – грудь колесом! Сверкало золото эполетов и пуговиц, скрипели сапоги. Несколько несуразно и комично (с точки зрения землян, само собой) смотрелись сизые или черные перья в их достаточно длинных – снова-таки на взгляд военного-землянина – волосах.

Мы пили шампанское в честь успешного окончания учений. Эскадра Крылатых справилась с задачей, разгромив превосходящие силы землян. Спутал карты, чуть ли не сведя ситуацию к пату, командир маленького, но гордого ЛК-50. Адмиралы долго совещались, как оценить гамбит Любимова и стоит ли считать взлом компьютерной сети атмосферного реактора победой землян. И коню было понятно, что боевую задачу мы выполнили. Но адмиралы конями не были и приняли, на наш взгляд, странное, но, быть может, политически верное решение, присудив победу в «Царе горы» Крылатым.

А офицеров с ЛК-50 пригласили в адмиральский модуль пить вино и общаться с высшим командованием. Нам, конечно, оказали честь, но я бы предпочел сидеть в столовой

жилой зоны сектора землян, есть приготовленный по случаю окончания учений оливье и пить скромный трехзвездочный коньяк.

И я, и остальные ребята – Серега Кучер, старпом Олег Задорожный и штурман Полозов – все время норовили вытянуться по стойке «смирно», поймав на себе взгляд очередного вице, контр или полного адмирала. Тут был командующий Русской Дальнекосмической эскадрой Семен Величко и Ульрих Торстен – контр-адмирал из Европейской Дальнекосмической. Наш Любимов находился постоянно при них, точно адъютант. Из «островитян» присутствовал лишь командир «левиафана», его звание тоже примерно соответствовало «вице-адмиралу». Смуглый «островитянин» в мундире оливкового цвета держался особняком и не прикасался к бокалам с вином – физиология жителей Зеленых Островов не позволяла пить спиртное. Крылатых же было больше, чем остальных. «Правил балом» командующий Опорной базой адмирал Уц Гварх – коренастый человек с тяжелым лицом и сонным взглядом. Бок о бок с ним стоял адмирал Лардар – молодой командир гвардейской эскадры Вселенского флота Крылатых. С их стороны был еще контр-адмирал и два вице. И у каждого – по адъютанту или по два. Не хватало только главнокомандующего Союзническим флотом для полного комплекта. Зато присутствовало лицо духовное – средних лет бородач в иссиня-черном мундире и коротком бежевом плаще. Я не очень хорошо разбираюсь в иерархии духовенства Крылатых, но Полозов подсказал, что этот тип у наших союзников – вроде кардинала.

Шампанское, а точнее – игристое вино, доставленное с Гнезда, изрядно горчило. И пьянило – будь здоров. Как «отвертка».

– Индюки... – бурчал старпом в усы.

– Павлины... – со вздохом выражал солидарность Кучер.

Нам со штурманом оставалось только глядеть с укором и многозначительно молчать.

Туда-сюда с подносами сновали слуги Крылатых – дикари с планеты Убежище. Мы их называли «прятунами». Аборигены самой далекой и отсталой планеты в человеческом пространстве походили обликом на новозеландских маори. Крылатые раздели их в ливреи: желтые камзолы, черные с серебристой вышивкой короткие штаны и перчатки. Вот только обувь прятуны не признавали принципиально, носились по палубам, бесшумно ступая босыми ногами. Слуги-прятуны принадлежали к одному из немногочисленных племен, которые отказались от каннибализма и сделали шаг на пути к интеграции в межзвездное сообщество. Крылатые всячески этому способствовали, пользуя аборигенов Убежища на всяких неблагодарных работах. Впрочем, я не слышал, чтобы прятуны были чем-то недовольны. Подносы они носили с не менее гордым видом, чем Крылатые – эполеты.

После того, как адмирал Лардар толкнул короткую поздравительную речь и все пригубили «гнездовского игристого», слово взял командующий базой.

– Господа! Мне выпала честь сообщить вам известие особой важности, которое доставил авизо с Земли. – Адмирал Гварх говорил на унифицированном языке своей планеты; землянам, само собой, пришлось его выучить в военной академии. – В Нью-Йорке в штаб-квартире ООН был подписан договор о размещении военных баз Крылатых в Солнечной системе. Это очередной весомый шаг в деле укрепления дружбы, мира и взаимопомощи между нашими братскими народами.

В традициях Крылатых, к счастью, нет аплодисментов. Нужно только внимать или делать вид, что внимаешь.

– Наши системы противокосмической обороны будут развернуты на лунах Тритон, Ганимед и Луна, – продолжил адмирал. – В Солнечную систему также передислоцируется Флот особого резерва. Этот важный сектор человеческого пространства отныне надежно защищен не только нашими младшими братьями и союзниками, но и прославленным оружием Крылатых! Перед лицом угрозы со стороны врагов всего живого – «мумий» – мы не

остановимся ни перед чем, чтобы сохранить мир на планетах Солнечной системы. За наш союз!

Вот и пуст мой фужер. Газы бьют в нос, вышибают слезу. Я подзываю жестом прятуна с подносом, беру полный фужер, и ребята берут. Мечутся пузырьки в вине янтарного цвета; надо бы протиснуться, обойти высшие чины и добраться до столика с бутербродами. Адмиральский модуль – не космический крейсер с тесными коридорами и отсеками, но и тут ощущается нехватка свободного места. В космосе всегда так, простор только снаружи.

– Флот особого резерва? – наморщил лоб Полозов.

То, что Крылатые собираются разместить военные базы под боком у Земли, не было новостью. В определенном смысле, для землян такая диспозиция представлялась выгодной. Наши силы в основном сосредоточены на дальних рубежах, самые новые и лучшие корабли, самые опытные экипажи – в Дальнем космосе. Центр системы защищен Околосолнечным флотом, в котором каждый второй корабль требовал или модернизации, или того, чтобы его отправили на свалку.

«Мумии» пока не совали нос в Солнечную систему, но половина населения Земли жила в страхе, день ото дня ожидая вторжения. Министерство пропаганды переборщило с ужасами об обитателях планеты Могила. Но резон держать гражданских в тонусе имелся. Каждый знает, что для корабля, способного создать «искажение», космических расстояний не существует. Флот «мумий» может в мгновение ока переместиться с орбиты Могила на орбиту Земли. Наши Дальнекосмические эскадры бросятся на врага лишь после того, как сообщение о нападении доставит в пространство Хуракана специальный корабль-авизо – гонец или почтальон, как кому больше нравится. Ведь от радио или от лазера прока нет, когда нужно передать информацию из одной звездной системы в другую: прежде чем сигнал преодолеет двенадцать световых лет между Солнцем и Эпсилоном Индейца, новость безнадежно устареет.

Смысл усилить оборону Земли противокосмическими системами Крылатых и их кораблями, которые куда совершеннее, чем крейсеры землян, несомненно, был.

Но все равно, оттого что околосолнечное пространство собираются патрулировать Крылатые, а нас теснят на задворки, просыпалась ревность. Это как перепоручить заботу о жене дальнему, плохо знакомому родственнику.

Контр-адмирал Величко взял ответное слово. Говорил он на языке Крылатых с сильным акцентом, но что тут поделать: учить ведь пришлось не с кадетских погон.

– Господа! Прекрасные новые корабли Крылатых будут охранять мирное небо над головой землян. Нужно ли говорить, какая великая честь оказана нашему молодому, но деятельному человечеству? Я рад осознавать, что наш союз живет не только здесь, в Дальнем космосе, что нас объединяет с человечеством Гнезда и Зеленых Островов не только общее дело, огонь пограничных сражений, через который мы проходим плечом к плечу, и даже не общий недруг. Гражданские организации Земли, дипломаты и политики всех уровней в свою очередь вносят вклад в укрепление союза человеческих цивилизаций. Слава Эдему, что есть хоть какая-то польза от этих говорунов, не нюхавших реконденционированный воздух в рубке космического крейсера.

Мы сдержанно посмеялись.

– За единое человечество! – поднял фужер Величко.

Вот и второй бокал опустошен, и проворный слуга забирает его у меня из руки.

– Я принесу бутерброды, – объявил старпом и принялся протискиваться следом за слугой.

В то же время Крылатые снова потребовали внимания.

– Более тринадцати лет по исчислению Гнезда наш чистый Эдем находится в лапах Народа Вечности, – проговорил кардинал траурным тоном. – Планета, на которой родились

предки тех, кто основал цивилизации людей Гнезда, Зеленых Островов, Земли, Убежища... ну и Могилы, будь она проклята. Флот «мумий» оккупировал Эдем и окрестности святого мира. Одержимые идеей доказать свое первородство, «мумии» ведут раскопки варварскими методами, поганя лик нашей общей святыни. Пока Эдем контролируют эти утратившие внутреннее и внешнее сходство с людьми существа, как ни прискорбно, истинное единение человеческих цивилизаций не может состояться. Святыня попорана, символ нашего единства утрачен.

– Песню завели, – пробурчал Кучер, отвернувшись.

– Сейчас этот поп расскажет, зачем и почему воевать, – поддержал старпом, который вернулся, добыв блюдо с канапе. Мы со штурманом тут же подцепили по одному. – А Величко с Торстеном слушают, как юные семинаристы.

– Что поделаешь, – сказал, жуя, штурман. – Воевать-то все равно придется. А зачем и почему... – Он сдержанно пожал плечами.

А по-моему, война идет полным ходом. Да, наши крейсеры пока не летают строем «коготь» и не штурмуют планетарную оборону дальних колоний, наши сражения – это столкновения один на один в пограничных или ничейных пространствах, осторожное прощупывание радаром космоса и пальба по врагу из пневматических или рельсовых пушек. Но, если судить по пропаганде, война никогда не прекращалась. Как будто «мумии», «островитяне» и Крылатые никогда не приостанавливались, доведя друг друга до грани вымирания.

А кардинал, выдержав паузу, продолжил:

– Земляне, несмотря на засчитанное поражение, показали на учениях достойный результат. Планета Геенна похожа на Эдем в сегодняшнем его состоянии. И «мумии» так же расположили на нем терраформирующие объекты, потому что намерены придать нашей общей святыне тот вид, который им желателен и приятен. Теперь мы убедились, что земляне смогут воевать в этих сложных условиях. Мы горды успехом наших младших братьев.

– Корабли гвардейской эскадры имитировали тактику «мумий», – добавил адмирал Лардар. – Легкий крейсер «ворон» по характеристикам схож с «гарпией» неприятеля.

«Ворон» и «гарпия» адмирал произнес по-русски, продемонстрировав, что знает наш жаргон и умеет им пользоваться.

– Хочу выпить за союзников! – кардинал поднял фужер. Я заметил, что духовник собирается пить не вино, а что-то бесцветное.

– Гляди – водка! – прошептал старпом, и мы невольно заулыбались.

– За офицеров землян и солдат землян! – провозгласил кардинал и до дна выпил то, что было у него в фужере.

Величко и Торстен по очереди поблагодарили кардинала. Обращались они к духовнику Крылатых «светлый». Ваша светлость, значит, по-нашему. И зачем эту птицу занесло на станцию?

На этом официальная часть фуршета завершилась. К нам подошел Любимов и поинтересовался, как дела.

– Что мы тут делаем, Валерий Петрович? – спросил я.

– Не знаю, – буркнул в ответ тот. – Ешьте, пейте. Все настоящее, не муляж.

– Мы заметили, – ухмыльнулся старпом.

– Похоже, обе Дальнекосмические собираются реформировать, – поделился Любимов. – Вывести из состава ряд кораблей, которые приглянулись Крылатым. А потом объединить их со своими силами и с силами «островитян», отобранными по тому же принципу.

– Нас выведут из Русской Дальнекосмической? – не поверил Кучер. – Нас?

– Межпланетная эскадра? – предположил я.

– Примерно, – Любимов кивнул. – Сводная.

– Они продолжают изучать, – протянул штурман. Полозов был человеком рассудительным и всегда искал первопричину. – Им интересно, не облажаемся ли мы в составе эскадры, которая будет состоять из кораблей старших рас.

– Если изучают – значит, война не завтра, – высказался старпом. – И не послезавтра.

– Олег Дмитриевич, у тебя крошки на усах, – заметил Любимов.

– Уф, черт! Мужики, а вы молчите... – засуетился Задорожный, ощупывая карманы в поисках носового платка.

Любимов проговорил, понизив голос:

– Если они все-таки сформируют межпланетную эскадру, то ЛК-50 со всеми нами переведут к черту на кулички. Лет эдак на сорок-пятьдесят световых от Солнца. Может, в сектор Кастора забросят.

– Если в сектор Кастора, то какая, на хрен, учеба? – снова высказался Задорожный. – Это же рейд по тылам «мумий».

– Это – система Эдема, – заметил Полозов. – Не тыл, а передовая.

Командир остановил проходившего мимо прятуна, подхватил с подноса фужер.

– Дьявол, горло пересохло, – он сделал крупный глоток. – Фу, теплое! Мужики, как вы пьете эту гадость? Берковича, между прочим, отправили на «кондор», – добавил, морщась. – Будут натаскивать ломать компьютеры «мумий» по какому-то новому и о-очень крутому курсу.

– Тогда, Валерий Петрович, это действительно дело, а не новый эксперимент, – сказал я, поглядывая на адмиралов. Те тоже стояли кружком и что-то бубнили, не повышая голоса.

– Успеть бы с противокосмической обороной в Солнечной системе, – Полозов вздохнул. – Если нас отправят «на дело»... – штурман, негодяй, скопировал мои интонации, – то «мумии» ответят – будь здоров. Нам не сильно-то попадало в этой войне, потому что мы не лезли на рожон. И в пространство «мумий» не вторгались.

– Кого еще переведут из наших? – поинтересовался я.

– Пока не знаю, – ответил Любимов. – Но «семнадцатый» Козака – точно переведут. Понравилась адмиралам снайперская стрельба Витькиных комендоров.

Мы закивали. Сразу вспомнилось, как мы прорывались к реактору, а ЛК-17 нас прикрывал. У меня даже появилось ощущение, что я сжимаю штурвал.

– Показали мы им всем на Геенне, правда, Валерий Петрович? – ухмыльнулся Кучер.

Полозов и Задорожный переглянулись, мол, молодо-зелено. Кучер и в самом деле был самым младшим по возрасту и по званию в нашей компании.

– Показали-показали, – усмехнулся Любимов. – Ладно, ребята, я ухожу – адмиралы кличут. Пейте и отдыхайте – это приказ!

Глава 3

Миссия: «Вспомнить все».

Задача: жить долго.

Звезда: Солнце (желтый карлик, ну, ты знаешь).

Планета: Земля.

Особые примечания: за последние сто лет средняя температура на Земле опустилась на восемь градусов.

Льды разрастались.

Северный Ледовитый океан, север Атлантики и север Тихого океана – под толстенным панцирем. Жизнь в Москве и Санкт-Петербурге больше не бьет ключом, обе столицы скованы арктическим холодом. Мороз – враг, который не победить. Ледяная пустыня ширится, земная поверхность отражает много солнечного света, не успевая прогреться. Цепная реакция...

Половина Европы вымерзла и вымерла. На Североамериканском континенте граница мерзлоты медленно, но неотвратно подползает к Вашингтону.

Год 2112, середина апреля, как сейчас помню. На двух снегоходах рванули из Строгинского «термоса» – так мы называли похожие на черныбыльский саркофаг сооружения, внутри которых жили те, кто не пожелал переехать на юг, – к девочкам в Перово. Не то чтобы там жили какие-то особые девочки, но наши старые знакомые по военной части на Хуракане. А старый друг – лучше новых двух. Тем более они тоже были молодыми офицерами. Только мы – космолетчики, а они – из противокосмической обороны. Не скучали друг с другом, в общем. Еще на Хуракане договорились встретиться во время отпуска, обменялись адресами, как во времена седой древности: мобильной связи в Москве больше не было, а Интернет – только для служебного пользования.

После теплого и дождливого Хуракана морозная Москва казалась зимним курортом. Все вокруг было родным и с детства знакомым. А в Строгинском «термосе» жили мои родители, занимая квартиру-ячейку площадью в восемь квадратных метров. Переезжать на юг они категорически отказывались, говорили, мол, до того, как ледник начнет утюжить городские кварталы, они успеют переселиться на новое кладбище, которое теперь отовсюду вне стен «термосов».

Уже смеркалось, поэтому поехали через центр, который был якобы безопасен в любое время суток. Я и Димка Макарь, он потом сгинул вместе со своим КК-3А во время похода к Глизе 1 в 2115-м.

На Новом Арбате нас остановил патруль, мы думали, что это проверка документов, а оказалось, что полиция буквально за минуту до нашего появления поймала шайку мародеров. По законам военного времени стервятников должны были расстрелять на месте, под ближайшей стенкой, ну а нас задержали на дороге, чтоб ненароком не зацепило. Пока суд да дело, мы закурили крепкие сигареты без фильтра.

На Новом Арбате, кроме нас, патруля и прищученных мародеров, никого. Сугробы по обе стороны дороги высотой до окон третьих этажей давно заброшенных зданий. Серебрится снег в свете фар патрульного вездехода.

– Космолетчики? – с уважением проговорил немолодой пузатый полицейский со шрамами от обморожений на лице.

Полицейские носили бесформенные бушлаты, шапки-ушанки, толстые брюки, перчатки. Все были вооружены автоматами. Мы же, в щеголеватых черных шинелях и высоких

меховых шапках, смотрелись на их фоне двумя породистыми псами, которые затесались в дворовую свору.

– Космолетчики, – подтвердил я, наблюдая, как по вечернему небу проплывают звездочки дрейфующих на низкой орбите кораблей.

– Сам бы у вас служил, хоть бы и палубу драил, – сказал тогда полицейский. – Но не выездной я, ребята.

Мы покивали, искренне сочувствуя. Земля задыхалась. Все было против ее обитателей: климатический каприз, который грозил уничтожить цивилизацию, предсказуемый экономический кризис. Какое-то время мы бы еще продержались за счет космической инфраструктуры, но в конце концов все равно бы загнулись.

Но потом появились Крылатые. Распахнули перед нами двери в Дальний космос.

Там можно было колонизировать землеподобные планеты. Исследовать, добывать, строить, возводить. Переселяться, работать, учиться и просто жить.

А еще там нужно было воевать.

И война требовала людей... и еще людей, и как можно больше людей в Дальнем космосе.

– А чего ты не выездной-то, друг? – поинтересовался Макарь.

– Есть такая работа, – улыбнулся полицейский, показав прокуренные зубы, – покой столицы сторожить.

В морозном воздухе прогремела автоматная очередь. Над домами поднялась стая воронья. Патрульные извинились, отдали честь и разрешили нам ехать дальше. А толстяк еще и пожелал счастливого пути.

Мы выбросили недокуренные сигареты и рванули себе дальше. Объехав кровавые брызги на укатанном снегу, я обернулся: патрульные подобрали наши бычки и закурили.

...Девочки встретили нас по-королевски. Вареная картошка, селедка, лук колечками, тушенка «Второй фронт», кислая капуста. Водку и коньяк привезли мы. Еще были конфеты, которые я купил у спекулянта, прятавшегося от патрулей в подвале Строгинского «термоса».

В квартире-ячейке девочек быстро потеплело на зависть соседям, завесившим все коридоры Перовского «термоса» бельевыми веревками с волглым тряпьем.

Мы с Димкой приехали в мундирах, точно на адмиральский смотр собрались. Девочки же надели платья, – такими мы их еще не видели! Это вам не бойцы с замаскированными половыми признаками камуфлей, тяжелой от сырости Хуракана. И еще – ножки в теплых колготках черного цвета и летних туфлях на каблуках! Стройные, точеные.

– Селедка свежая, – приговаривала Ира, подкладывая мне на тарелку. – С боем получила по отпускной карточке. Бабки из Распределителя не хотели обслуживать, подняли хай на всю очередь.

– Ага, – поддакнула Антонина. – Мы храним мир в космосе, а они – мол, понаехали!

– Разрешите за вами поухаживать! – Макарь наполнил рюмки девочек коньяком.

– Тем более отпуск когда-нибудь закончится, – договорила Ира.

– Спасибо, – я подтянул к себе тарелку и улыбнулся. Она улыбнулась мне в ответ.

– А я больше на Землю не прилечу, – сказала Антонина, принимая рюмку и ненароком касаясь Димкиной руки. – Я уже к Хуракану привыкла.

– Девочки, а зачем так много лука? Мы же потом целоваться не сможем! – делано удивился Макарь.

– Ты с кем тут целоваться собрался? С Евгением, что ли? – Антонина кивнула в мою сторону. – Давайте лучше выпьем!

– За нас!

– За космические и противокосмические силы!

– За то, что собрались вместе в нашей старой столице!

– Спасибо, что пригласили!

– Спасибо, что пришли!

Радио принимало с сильными помехами. В новостях рассказали о том, что был успешно запущен первый терраформирующий комбинат Крылатых, который построили в Черном море на острове Змеиный. Таким образом, было начато выполнение комплекса мер, направленных на борьбу с глобальным похолоданием. Лига Объединенных Наций выражала признательность братской планете Гнездо. В ближайшем будущем будут запущены еще шесть комбинатов. И «ля-ля-ля» в таком духе...

Ира выключила радио, поставила музыку. Тот вальс, под звуки которого отправлялись с космодромов Земли транспортные корабли с юношами и девушками – будущими бойцами Союзнического флота. Оберегать мир в человеческом пространстве.

Крылатые делились с нами технологиями и по мере сил помогали решить проблемы планетарного масштаба. Мы же расплачивались единственным ресурсом, которого у нас было в достатке, – самими собой. Может, не расплачивались, а, наоборот, помогали избежать сотням тысяч, миллионам людей смерти от голода и холода.

Черт его знает, каждая палка имеет два конца.

Танцевать в крохотной комнатухе было абсолютно негде: все свободное место занимали стол, сервант и диван. Можно было только маневрировать на узких проходах между ними. А за дверью сразу начинался коридор: в одну сторону – общая кухня, в другую – общий сортир.

Но мы ухитрились потанцевать! Возле порога квартиры. Я держал в руках Иру, вдыхал запах ее духов и говорил о всяких пустяках. Потом мы опять вернулись за стол, а танцевать на наше место вышли Димка и Антонина.

– Не привык действовать на коротких дистанциях? – решил подколоть меня захмелевший приятель. Да я на него в обиде не был. Я действительно мерил расстояние между объектами в мегаметрах.

– Ты веришь в то, что старшие расы говорят об Эдеме? – спросила меня Ира.

Я пожал плечами.

– Вроде все логично.

– И правдоподобно?

Дело в том, что в земной мифологии так или иначе отражена история с Эдемом, хоть и ее переврали за многие тысячи лет. И изгнание из рая, и Великий Потоп, и гибель Атлантиды – все это имеет одну подоснову. Был мир, на котором жили люди. Причем мир высокоразвитый. Потом случилась катастрофа, и людям пришлось бежать с гибнущей планеты на космических ковчегах. От Эдема до Гнезда, Зеленых Островов и Могилы лететь относительно недалеко. Поэтому на этих планетах цивилизацию начали возрождать в первую очередь. От Эдема до Земли было далековато, пока ковчег дополз на досветовой скорости, сменилось не одно поколение на его борту. Люди опустились и одичали. На Земле им пришлось открывать заново огонь и колесо. А до Убежища ковчег добирался вообще невообразимо долго, и как следствие – сегодняшняя дикость прятунгов. Этим объясняется разница развития старших, средних и младших рас.

Такие вот дела.

На мой взгляд, Эдем – или то, что от него осталось после катастрофы, – стоило изучать, а не делать на этой планетарной рухляди политику. Или фетиш космических масштабов. Но у старших рас было иное мнение, и нам, пользующимся их благами, стоящим в тени их величия, приходилось лишь молча поддакивать.

А тут еще, оказывается, идет непрекращающаяся война за пространство Эдема. Сначала Крылатые владеют им, а «островитяне» в союзе с «мумиями» пытаются их выбить. Потом «островитяне» захватывают Эдем, и война переходит в следующую фазу. А послед-

ние лет сто пятьдесят (земных, само собой) Крылатые в союзе с «островитянами» долбят «мумий». Или это «мумий» громят и тех и других. «Мумии» – бойцы свирепые, им палец в рот не клади.

В общем, все это походило на грызню за Иерусалим в Средние века. Только вместо Гроба Господнего – планета. А вместо сарацин – «мумий» на космических крейсерах.

– Крылатые хотят запретить земные религии, – сказала Ира.

Я с удивлением посмотрел на нее. А какой толк от этих религий? Они сильно помогли, когда наша цивилизация катилась к краху? – хотел спросить, но вовремя прикусил язык.

– Крылатые это сделают, – Ира опустила глаза. – Мы будем поголовно поклоняться Эдему, как полчища язычников. И камлать на ее пепелище.

– Если это случится, – ответил я, растягивая гласные, – то не при нашей жизни.

– Наша жизнь может оказаться очень короткой, – определенно, на Иру алкоголь нагонял депрессию. – Давай выпьем за то, чтобы жить долго!

Я хотел подлить Ире коньяку – в рюмке у нее оставалось на донышке, – но она отказалась.

– Нет-нет. У меня есть.

И мы выпили, а потом подошли наши друзья, и мы выпили еще. Поговорили о том, как эффективнее провести бомбардировку планеты из космоса и как успешнее ее отразить. Спецы присутствовали по обоим вопросам.

Главный козырь ПКО – это мощные боевые лазеры. Каждый излучатель получал энергию от собственного реактора. На космических кораблях такое энергозатратное оружие было непозволительной роскошью; у нас почти все ресурсы уходили на фокусы с гравитацией и завязанную на них возможность прыгать в «искажение». Мы использовали лазеры только для измерения расстояния до цели, наведения ракет и связи. А вообще, пушки, которые разят со скоростью света, – это страшная вещь... Но наши крейсера были быстрыми, маневренными, для поражения наземных целей несли атомное оружие и бить могли издалека. А планета – мишень, в которую очень тяжело промахнуться.

Так что меры были симметричны контрмерам.

– Американцы построили первый космический авианосец! – Макарь размахивал сигаретой, почти как дирижерской палочкой. – Свершилась мечта идиотов! На борту – почти сто шаттлов, неспособных уходить в «искажение».

– Корабли орбитального боя, – уточнил я. – В межпланетном пространстве от них толку не будет.

– Зато они смогут «выносить» станции, объекты на планетах и лунах.

– Если авианосец не будет уничтожен сразу после того, как он выйдет из «искажения», – заметила Антонина и потянулась к Димке, сжав в губах незажженную сигарету. Макарь чиркнул зажигалкой, двинулся девушке навстречу.

– Да, авианосец – цель соблазнительная для противокосмических систем, – добавила Ира.

– Соблазнительная... – повторили мы с Димкой в один голос и заржали. Свинтусы. Американцы тоже постарались – слишком уж бросалась в глаза фаллическая форма их последней боевой машины. И я представил, как какая-нибудь дама-полковник противокосмической обороны отдает приказ в пылу сражения: «Из рельсотронов и лазеров! По американскому члену! Огонь!» Впрочем, с американцами мы теперь на одной стороне, хотя в прошлом немало копий было сломано. Так что дама из ПКО должна быть не с Земли, а «мумией»... И в следующую секунду сделал вывод о том, что я уже порядочно принял на грудь, если строю столь ступенчатые ассоциации.

Ира задумалась – обижаться ей на наш гогот или нет, но Макарь взял ситуацию под контроль.

– Обожаю наших девушек! Только они могут находить романтику в суровых буднях Дальнего космоса!

– Они ее не находят, – подхватил я. – Они ее создают!

И, не помню, в который раз, выпили за девушек.

Затем Димка и Антонина снова пошли танцевать, и по характеру их танца мы с Ирой решили, что наших друзей стоит оставить наедине. Объявили им, что хотим подышать морозцем, подхватили шинели и вышли из квартиры.

Перовский «термос», как и остальные «термосы» Москвы, обогревался за счет компактного фотонного реактора Крылатых. В квартирах держалось около двадцати градусов, а вот в коридорах и на лестницах было прохладно.

Мы пробирались через паутину бельевых веревок и занавесы только что постиранных простыней и пододеяльников. Старая мебель вдоль стен, полки с цветами в горшочках, детские гравипеды и разбросанные игрушки, собачьи подстилки и миски – так выглядел человеческий термитник изнутри. А за тонкими дверями находились похожие на осиные соты каморки, в которых обитали упрямцы, патологические патриоты города или те, кого никто не ждал за пределами замороженной Москвы. За одной дверью кто-то рыдал, за другой – декламировал стихи, за третьей занимались любовью, за четвертой шел неторопливый разговор. На общей кухне жарили фарш, из открытой двери душевой тянуло запахами шампуня и мочи.

Поднялись на крышу.

До звезд можно было дотянуться рукой. И удивительно чистым казался воздух после тяжелого духа многоэтажного общежития, хоть в носу и пощипывало от мороза.

Высота каждого «термоса» впечатляла. Они возвышались над старыми постройками, точно айсберги над океанской волной. Снега намело прилично, из сугробов торчали обледевшие мачты антенн. Прожектора сияли вдоль периметра крыши, лили свет на пустынные улицы.

Мы остановились возле ограждения. Я поправил шинель на Ириных плечах, поднял ей воротник. Ира прильнула ко мне, и я обнял ее в ответ, прижавшись щекой к пахнущим духами волосам.

Мы смотрели на темную стену ледника. Она казалась незыблемой. Но скоро льды сомнут и раздавят старую столицу, сотрут в грязь старые и новые здания, мосты и памятники. И лишь выюга будет стонать и завывать над белой пустыней. Долгие годы.

– А я хочу вернуться сюда снова, – сказала Ира. – Пока город существует.

– Обязательно вернемся, – пообещал я и поцеловал девушку в холодную щеку. – Я вернусь вместе с тобой.

Через год Ира вышла замуж за перспективного капитана связи и перевелась вместе с ним с Хуракана в купольный город на Голиаф-4. Димка Макарь, как я уже говорил, через три года пропал без вести. Что стало с Антониной – я не в курсе, после исчезновения Димки мы больше не встречались.

Но Москва стоит по-прежнему.

Глава 4

Миссия: «Пешечный дебют».

Задача: освободить захваченных в плен союзников.

Звезда: Поллукс (оранжевый гигант).

Планета: нет.

Особые примечания: навигация осложнена из-за большого количества обломков, выброшенных в пространство в результате гибели внутренних планет системы.

Сводной эскадрой командовал сам адмирал Лардар. Он держал свой флаг на многопушечном «кондоре» под названием «Имя чести».

Эскадра покинула Опорную базу и направилась вне плоскости эклиптики, растянувшись кильватерной колонной длиной в десять тысяч километров. «Кондор» и два ракетных крейсера землян – впереди. За ними следовал «сборный» крейсерский дивизион из наших «элок» и «воронов», его возглавил контр-адмирал Величко. В арьергарде шли корабли поддержки «островитян», а также их десантные транспорты и авизо.

– Удалились от Хуракана на девяносто мегаметров, – доложил я.

– Хорошо, – отозвался Любимов. – Держать курс.

– Товарищ капитан третьего ранга! – услышал я голос радиста. – Пришло сообщение от адмирала Лардара.

– Давай. – Для Любимова было в новинку напрямую подчиняться Крылатым. Он вроде бы несильно переживал по этому поводу, но в голосе чувствовалось напряжение.

– Командирам всех кораблей эскадры! – я представил себе этого молодого Крылатого, как он стоит на мостике «кондора», заложив руки за спину, и перед ним светится голографическая звездная карта. – Разархивировать на персональных терминалах файл под именем «ноль-шесть-ноль-два-семь». Начинать исполнять немедленно! Отбой!

– Вот и все... – протянул Любимов. – Олег Дмитриевич! – обратился он к старпому. – Ты помнишь мой код?

Задорожный хмыкнул.

– Откуда?

– Вот и я...

Ну, это я уже слышал раз двести. Такой у них ритуал был. Любимов застучал пальцами по клавиатуре. Я же смотрел, прищурившись, на звезды. Интересно, к которой из них меня забросит очередной поворот судьбы. Возле некоторых я был много раз... но в системах абсолютного большинства из них не побываю ни я, ни кто-либо из людей – без разницы, с какой планеты они будут родом.

Любимов прочистил горло.

– Боевая готовность № 1! Штурман! Курс на Поллукс. Мы должны выйти из «искажения» над центральной частью астероидного пояса Корнуолла. Координаты точки выхода переслал.

– Координаты получил. Рассчитываю.

– Реакторная! Мощность – девяносто два.

– Есть!

– Гравитронщики! Слесарев! Подготовить процедуру перехода!

– Есть!

Вот и пошло-поехало. Я проверил ремни безопасности, положил руку на штурвал. Коснулся большим пальцем кнопки с полустертой надписью «ИМПУЛЬС».

– Внимание, экипаж! – обратился по общему каналу Любимов. – Наша задача – обеспечить прикрытие десанта «островитян» на Объект-114, это – четвертый по крупности астероид пояса Корнуолла. На Объекте-114, согласно данным разведки, расположены иридиевые рудники «мумий», на которых трудятся наши военнопленные. Соппротивление ожидается серьезное: Объект охраняют «гарпии» и «виверны». Кроме того, на поверхности астероида расположены ракетные комплексы и скорострельные турели противокосмической обороны. Когда десант высадится, нам нужно будет встать в «заграждение» и ожидать возможное прибытие подкрепления неприятеля.

Внутри астероидного пояса – тесно. Расстояния между глыбами может быть меньше десяти километров – ни развернуться, ни повернуться с нашими-то скоростями.

– И еще! – снова заговорил командир. – Мы вторгаемся в чужое пространство. Пусть с благородной целью, но тем не менее. На этот раз сражаться предстоит не с условным противником. «Мумии» – на своей территории и будут драться до последнего корабля. До последнего солдата! Ребята, не забывайте, что мы – из русской эскадры. Не опозорим ни себя, ни наших товарищей. Наше дело – правое, и пусть снаряды летят точно в цель. Ну, с богом! – Любимов перевел дыхание. – Начинаем набирать массу для перемещения!

Я вывел на свой монитор карту пояса Корнуолла. Программа сама рассчитывала траектории самых крупных астероидов и выдавала их координаты в режиме реального времени.

– Гравитация растет, – сообщил старпом.

Для межзвездного прыжка нужно набрать больше боевых ноль-шесть «же». Сейчас все на корабле работало на нашу гравитронику. Напряжение нарастало, я чувствовал, как усиливается вибрация. И, конечно же, сила тяжести. Нас постепенно вдавливало в кресла; кровь отхлынула от головы, тошнота, от которой каждый по-своему страдал в невесомости, сходила на нет.

– Регистрирую «искажение» по курсу восемнадцать, – сказал Задорожный. – Отклонение – минус два.

– Прекрасно! Курс восемнадцать! Тангаж – минус два, – сейчас же отреагировал Любимов.

– Есть! – отозвались в один голос мы с Кучером.

Двигатели коррекции курса беззвучно выстрелили в космос бело-голубой плазмой. Крейсер начал разворот.

И всякий раз я опасаясь промахнуться мимо пространственной червоточины, диаметр которой, как утверждают яйцеголовые, не больше двух метров. «Искажение» возникает по курсу корабля, когда его гравитроника работает на полную мощность. Столь малый объект, как космический крейсер, в какую-то секунду приобретает массу, сопоставимую с массой планеты...

И проваливается в физический Тартар.

Чтобы в следующую же секунду вынырнуть в нормальный космос за много-много световых лет от прежнего местоположения.

Что происходит в тот момент, когда корабль проходит через червоточину в пространстве, человеческий мозг интерпретировать не может и поэтому просто вычеркивает его из памяти.

Яркий свет ударил из носового иллюминатора. Всполохи янтарного цвета заструились по внутренней обшивке рубки. Если бы не поляризованное стекло в щитке моего шлема, я бы стал слепой курицей.

Старпом сдавленно чертыхнулся.

Иллюминатор потемнел, подстроившись под местное солнце.

Раздувшаяся сфера Поллукса господствовала в пространстве. Это была оранжевая, с красноватым оттенком, звезда-гигант. Старая, но отчаянно молодящаяся. Погубившая внутренние планеты, но еще не окрасившаяся в красный цвет скорой гибели.

Поллукс совсем не походил на карликовые и тусклые звезды, которых пруд пруди в окрестностях Солнца. Не часто нам приходилось действовать под боком у таких гигантов.

– Поста́м доложить о готовности! – приказал Любимов.

Я отвлекся от иллюминатора, просмотрел, что там у меня на приборах. Вроде прошли через «искажения» без глюков, только на тактическом дисплее время от времени выбивались какие-то «левые» пиксели. Пришлось перезагрузить подсистему. А вообще, я сориентировался быстро: мы находились над эклиптической, цель была где-то под нами. Заходить на нее будем под острым углом. Жаль, что Поллукс не передвинуть: на протяжении всей миссии он будет слепить нам оптику.

– Мы регистрируем корабли эскадры, – доложили с радиолокационного поста. – Арьергард все еще прибывает.

Вот и славно! Теперь нам осталось лишь перестроиться и расползтись по своим траекториям. А Полозов тем временем вывел на мой монитор данные по курсу.

– Врага видите? – спросил Задорожный.

– Слабое радарное излучение из глубины астероидного пояса. Количество и типы кораблей пока установить невозможно, – прозвучало у меня в наушниках.

Пока мы подберемся к цели, враг успеет подготовиться, чтобы встретить нас во всеоружии.

– Докладить, что «пятидесятый» переместился благополучно! – распорядился Любимов, выслушав доклады всех служб.

И тут же последовало сообщение от Величко:

– Крейсерскому дивизиону построиться для атаки.

– Ильин! Кучер! Выводите нас на курс, – распорядился Любимов. – Расстояние до цели?

– Четырнадцать с половиной мегаметров, – ответил старпом.

На счету ЛК-50 – две «гарпии». Их мы превратили в пар во время патрульных миссий в приграничном пространстве. Теперь мы сами – нарушители. И не просто нарушители – целая эскадра вторглась в чужой космос. Это, мать вашу, война без всяких экивоков.

Впереди вспыхивали дюзы ЛК-17, которым командовал Витя Козак – лихой и удачливый командир. По левому траверзу от нас шел «ворон», экипаж которого тоже в чем-то там отличился... Позади, километрах в ста пятидесяти, разворачивался ЛК-55, который облюбовал контр-адмирал Величко. Пять крейсеров землян и шесть – Крылатых. Плюс три тяжелых боевых корабля – «кондор» и наши ракетчики, – которые должны были выйти из «искажения» «под» астероидным поясом. Вот это силища.

Поэтому я не испытывал ни малейшего страха или тревоги. Даже как-то странно это было. Сидит такой себе чурбан за штурвалом. «Так точно!» да «Вас понял!» – будто автомат.

ЛК-50 вышел на траекторию атаки. Теперь Поллукс светил в иллюминаторы не так сильно, и в поле зрения появился астероидный пояс: область прямо по курсу, усеянная неестественно крупными, объемистыми звездами. Объект-114 находился в центре этого скопления.

На тактическом мониторе появился силуэт цели: пятисоткилометровый астероид, облепленный постройками, точно камень – мохом. Вокруг него вращались две глыбы меньших размеров – примерно с Эверест каждая. На лунах тоже темнели наросты инженерных сооружений «мумий».

Пузатые десантные транспорты «островитян» наступали нам на пятки. Но мы пока не видели тех, от кого должны были их защищать.

А потом кто-то просветил нас радаром с одной стороны, кто-то – с другой. Несколько звезд прямо по курсу пришли в движение. Сорвались с мест метеорами: были – и нет.

– Цель по пеленгу сто тридцать восемь! Расстояние – полторы тысячи километров!

– «Виверна»! – выпалил Задорожный.

Любимов сообщил Величко, что мы берем на себя обнаруженный корабль. ЛК-50 снова изменил курс и дал залп из носовой пневмопушки. Одновременно «виверна» шарахнула в нас из рельсотрона. На экранах радаров две мелкие метки ринулись друг к другу с умопомрачительной скоростью. На какую-то наносекунду они слились в одно пятно, затем рванули дальше – каждый к своей цели.

Заряд рельсотрона – цельнометаллический стержень метровой длины – пронесся под нами, едва не отхватив кусок кормы. Перед носом ЛК-50 вспыхнуло новое солнце: белое, чуть вытянутое вдоль экватора. Не знаю, какую часть «виверны» нам удалось поразить, но корабль сгорел в считанные мгновения. Снаряд пневмопушки – не бог весть что, но на таких скоростях его масса целиком переходит в энергию. И эффект – все равно что от ядерной боеголовки.

– Хух! – выдохнул Любимов. – Молодцы, ребята!

Сквозь треск статики в наушниках прорезался голос контр-адмирала:

– Отличный выстрел, Валерий Петрович! Так держать...

Величко заглушил новый наплыв помех: это километрах в семидесяти от нас рванул «ворон». Превратился в огненный шар, как и «виверна» до него. На пультах запиликали трели, предупреждая, что на нас наводят пушки. Мы с Кучером бросили крейсер в маневр уклонения, трели поперхнулись, но через секунду ожили вновь.

Сверкнул луч лазера: он был в поле зрения всего миг, но я отчетливо увидел тончайшую иглу, которая прошла пространство. ЛК-77 исчез с радаров, на его месте образовалась уйма мелких меток. Обломки крейсера обследует корабль спасателей, который следует в арьергарде. Если кому-то посчастливилось выжить...

Откуда боевой лазер? В разведанных о нем ничего не говорилось!

– Держать курс! – прикрикнул Любимов. – Уравнять скорость относительно цели!

– Товарищ капитан третьего ранга! – услышал я голос радиста. – Уровень помех очень высок. Наши корабли радиоэлектронной борьбы вышли из «искажения» и включили «глушилки».

– Спихватились... – пробормотал старпом.

– Теперь это уже мало что изменит, – сказал Любимов.

Мы вошли в астероидный пояс. Судя по приборам, одна глыба промелькнула на расстоянии восьмидесяти километров от нас, вторая – в двухстах двадцати километрах. Следующая, оказывается, летела прямо на нас, точнее – мы на нее, и снова пришлось уклоняться. И снова, и снова...

– Твою мать! – выругался Задорожный. – Обломков слишком много!

Они выныривали из черноты и сразу же растворялись в бездне. Большую часть астероидов мы видели только на экранах радаров. Но дважды мы проходили мимо здоровенных глыб, изрытых кратерами и бороздами. В ярком свете Поллукса они серебрились, точно были покрыты слоем льда.

Опять мелькнул луч, и еще один «ворон» швырнуло на астероид потоком газов, вырывающихся из пробойны в корпусе.

– Да накройте же этот излучатель! – раздраженно проговорил Любимов. – «Оптики»! Определите его, пока он нас не срезал!

Лазер, оказывается, бил с одного из астероидов-спутников Объекта-114. Орудие скрывалось среди ферм и похожих на вагоны модульных построек. «Оптики» его засекли, когда очередной импульс проделал сквозную дыру в ЛК-17. Экипажу Вити Козака посчастливи-

лось: их «элка» не развалилась и осталась управляемой. ЛК-17 просигналил о том, что выходит из боя, полыхнул маршевыми двигателями и полетел прочь из пояса.

Мы же, наконец, смогли взять на мушку злополучный излучатель.

– Рельсотроны с первого по четвертый – огонь! – приказал Любимов. Четыре стремительных точки проплыли по экранам радаров, и астероид-спутник озарился белым пламенем. Следом блеснула еще одна вспышка. Брызги расплавленного металла и породы хлынули в космос и поплыли по воле инерции. Это, очевидно, рванул реактор, который снабжал энергией боевой лазер.

Тем временем Объект-114 вырос и обрел объем. Серебристый, покрытый кратерами обмылок походил на крупный осколок Луны, неведь каким чудом оказавшийся за тридцать световых лет от Земли.

Из-за Объекта вынырнула «гарпия» и принялась наводиться на отступающий ЛК-17, собираясь совершить «удар милосердия». Два «ворона» накрыли корабль врага огнем скорострельных пневмопушек.

За Объектом вспыхивали и гасли зарницы – это вступили в бой тяжелые корабли эскадры. Мы же атаковали с верхней полусферы. Врезали по башням ПКО, а те огрызнулись из всех стволов. Корабли радиоэлектронной борьбы включили генераторы помех на полную мощность, и головки самонаведения вражеских ракет ослепли. Одна за другой они взрывались, озаряя пространство секундными всполохами. Снаряды же с цели было не сбить, и вновь пришлось маневрировать. Нам повезло, а кому-то нет. Еще два наших корабля исчезли с радаров.

– Ни хрена себе – спасательная операция! – высказался Задорожный.

Я услышал, как Любимов с шумом втягивает в себя воздух, явно собираясь рывкнуть на старпома: «Не отвлекаться!» или что-то в этом роде. Но тут заверещали сирены, и у меня впервые за эти напряженные минуты екнуло сердце.

– Разгерметизация! – выкрикнул старпом. – Падает давление в центральных отсеках!

Дело – труба...

– Нас подбили? – в голосе Любимова слышалось возмущение. – Доклад!

– Нет, – старпом сглотнул. – Скорее всего, зацепило осколком ракеты.

Да, возможно. Большая часть ракет рванула у нас под носом: в двухстах-трехстах километрах от ЛК-50.

– Техкоманда приступила к ремонту, – отчитался старший инженер. – У нас – сквозное в четырнадцатом гравитронном. Отсек изолирован. Оборудование не повреждено.

– Жертвы?

– Два человека.

– Твою мать! Ремонтируйтесь!

– Пост № 1, что у вас? – обратился ко мне и Кучеру Задорожный.

Мы с Серегой рапортовали, что системы управления в норме.

– И то хлеб, – высказался старпом.

– Помех много, – пожаловался Кучер. – КРЭБы достали своими «глушилками». Тут и без них столько обломков...

– Разговорчики!..

На поверхности Объекта-114 среди уже различных глазом построек сверкали белые магниевые вспышки. Как будто световой сигнал. Как будто извержения вулканов. На самом деле это корабли эскадры добивали батареи ПКО. Вражеский астероид больше не сопротивлялся.

Последняя «гарпия» не пожелала даже вступить в бой: рванула в глубь пояса, форсировав двигатели. Заряд из рельсотрона контр-адмиральского «пятьдесят пятого» угодил в

дюзю одного из ее маршевых. Крошечное солнце ярко, до боли в глазах, осветило нам рубку, но почти сразу погасло.

«Вот и все, – просигналили нам лазером с ЛК-55. – Продолжайте выполнение боевой задачи».

– Отправить сигнал на «пятьдесят пятый»: «ЛК-50 поврежден. Необходим ремонт», – приказал Любимов.

А тем временем транспортные корабли «островитян» обошли крейсера и повисли над поверхностью Объекта-114. Десантники, упакованные в экзоскелеты, высаживались на поверхность астероида-гиганта. На их спинах были ракетные ранцы, в руках – автоматы специальной «космической» модификации. Вот кому предстояла адская работа: ближний бой в условиях микрогравитации в безвоздушном пространстве. Вряд ли после бомбардировки астероида у «мумий» отпало желание драться, эти гады не щадят ни себя, ни других. Надеюсь, в порыве ярости «мумии» не пустят под нож ребят, которые оказались у них в плену.

– Инженеры! Озерян! Что с пробоиной? – спросил Любимов.

– Залатали, товарищ командир. Давление восстанавливается.

– Что с управлением гравитацией? Не размажет нас по стенкам во время маневра?

– Не должно.

– Что значит – не должно? У нас приказ занять место в поисковой сети!

– Товарищ капитан третьего ранга! – вклинился в разговор радист. – «Глушилки» снизили мощность. Контр-адмирал на связи!

– Подключай!

– Любимов! Как это – повреждены? – послышался сквозь треск и заывания помех рассерженный голос Величко. – Три корабля «мумий» улизнули! Их флот может нагрянуть в любую минуту! Ты знаешь, сколько кораблей мы потеряли?

– Мы готовы продолжать бой, товарищ контр-адмирал! – немного обиженно вскричал Любимов.

Величко замолчал, точно призадумался.

– Ладно. Молодцы, – бросил он. – Отбой.

И сразу же затараторил радист:

– Товарищ капитан третьего ранга! На связи адмирал Лардар!

– В-включай, – ответил, чуть запнувшись, Любимов.

Сам адмирал? Вот как... Интересно.

Я отпустил штурвал, размял пальцы. Объект-114 полностью заполнил иллюминатор. Каждая складка рельефа, каждая воронка, каждое строение было четко видно – так, как это возможно только в безвоздушном пространстве. Над поверхностью висели пузатые цилиндры транспортных кораблей «островитян», скупое подсвеченные бортовыми огнями. Из дюз двигателей коррекции то и дело вырывались бело-голубые струи.

– Капитан третьего ранга Любимов! – раздался голос Крылатого. – Приказываю разархивировать и выполнить файл «три-девять-ноль-ноль-три». Немедленно! До связи!

– Вас понял! – успел проговорить Любимов прежде, чем Лардар отключился.

На этот раз обошлось без шуток про личные коды и склероз.

– Ну, что там? – взволнованно спросил старпом.

– Ни черта не понимаю... – пробормотал Любимов. – Мы должны состыковаться с платформой на спутнике Объекта-114. Принять на борт людей и уходить в «искажение». К союзной базе на Убежище!.. На связь с другими кораблями эскадры выходить запрещается! Что это еще за ерунда?! – командир вдохнул-выдохнул и взял себя в руки. – Ладно, приказ есть приказ. Действуем! Штурман! Пересылаю координаты платформы.

– Который спутник нам нужен, товарищ капитан третьего ранга? – поинтересовался Кучер.

– Вон тот, который на яблочный огрызок похож.

Штурман тем временем выдал нам данные по курсу.

– Поползли, ребята, – вздохнув, распорядился Любимов.

Я включил маршевый. Слабая перегрузка надавила нам на плечи. ЛК-50 сошел с орбиты и пополз к цели.

– Что там с гравитроникой? – Я увидел, что на индикаторе меньше ноль-шесть «же», которые полагалось поддерживать во время боя. – Компенсация работает? На пульте – зеленые огни, но...

– Пытаемся вывести на штатную мощность, Ильин, – отозвался Озерян. – Работай.

– Понято... – отозвался я. Понятно, да ничего не понятно. Вражеские ПКО мы подавили, но понадобится уклониться от куска какого-нибудь погибшего корабля – и всем придется питать от перегрузки.

– Держите ниже среднего, – Любимов как будто читал мои мысли. – Прощупывайте курс радарам! Чтоб ни одной мелкой метки на пути!

Объект-114 сместился вниз. Его место занял и на самом деле похожий на огрызок яблока астероид-спутник. В тени изломанной гряды, в чаше широченного кратера прятались постройки «мумий».

– Подтягивайте!.. Малым-малым... – пришептывал Любимов.

Астероид-спутник надвигался на нас неровной стеною темной породы, испещренной разноцветными рудными жилами. Он заслонил собой Объект-114 и Поллукс. ЛК-50 вошел в густую тень.

– Товарищ капитан третьего ранга! – услышал я радиста. – Контр-адмирал Величко вызывает нас...

– Приказано же – не выходить на связь... – проскрипел Любимов.

Всем как-то стало не по себе от его тона. На несколько минут повисло мрачное молчание. Затем попытался сумничать Кучер:

– Система стыковки у «мумий» не такая, как у нас. Мы не сможем...

– Следуйте заданным курсом, – не дал договорить моему напарнику Задорожный. – Адмирал знает, какие приказы отдает.

Я видел на мониторе приземистое строение, сверху которого располагалась посадочная платформа. Выровнял горизонт; астероид-спутник вальяжно перевернулся под крейсером.

– Смотрите! Ильин, Кучер! – заговорил старпом. – Там узлы разных типов.

«Оптики» выдали картинку на тактический монитор. Судя по всему, на этой платформе можно было принять малотоннажные корабли всех человеческих цивилизаций. В воображении нарисовался почему-то сгинувший в окрестностях звезды Глизе 1 КК-3А, на котором служил Димка Макарь. Как захваченный крейсер буксируют к этому астероиду-спутнику и стыкуют с узлом, предназначенным для кораблей землян. Из вскрытого люка выходят с поднятыми руками наши ребята...

Мы состыковались. Что будет дальше и кого следует принять на борт, никто понятия не имел. Любимов и Задорожный, передав командование штурману Полозову, ушли в шлюз. Туда же командир отправил отряд вооруженных космолетчиков из младших чинов. Все поворчали по поводу того, мол, только стрельбы внутри корабля не хватало. А что делать, если вдруг попрут «мумии»? Не верилось, что адмирал Лардар мог бы нас так подставить. В общем, все были как на иголках.

Мы с Кучером прислушивались к тому, что происходит внутри корабля, – по громкой связи транслировались переговоры наших в шлюзе. И были готовы «отчалить» по первой команде.

Гудели компрессоры, выравнивая давление, урчали сервомоторы, раздвигая тяжелые створки внешнего люка.

Зачем мы здесь? Для чего был нужен этот маневр?

Я услышал бряцание: наши вскинули стволы.

– Не стрелять! – сказал чужак. По-русски, но с характерным акцентом. – Группа особого назначения, корпус Вселенской пехоты Крылатых. Капитан Сааведа. Вы должны были получить приказ принять нас на борт!

Я представил себе осназ Крылатых: очень крутые ребята в роботизированных скафандрах, вооруженные не менее крутыми пушками. Коридорчики-то на ЛК-50 – узкие, отсеки – тесные. То-то столпотворение случится...

Любимов прочистил горло и сказал:

– Добро пожаловать на ЛК-50, союзники!

Я услышал, как грохочут по палубе металлические сапоги Крылатых. Через минуту вышел на связь Полозов.

– Клиенты поднялись на борт, – сообщил он. – Гравитроника в норме. «Отчаливаем», ребята.

Глава 5

Миссия: «Совершенно секретно».

Задача: выяснить, в чем заключается задача.

Звезда: Тау Кита (желтый карлик).

Планета: нет.

Особые примечания: вопросы, вопросы, вопросы; ответов пока нет.

Нас сопровождали тяжелые «грифы» чуть ли не с той самой минуты, когда мы вышли из «искажения». Шли рядом с нами, уравнив скорость, точно боялись, что мы куда-то можем сбежать.

И никто не удивился, когда нам приказали идти на сближение не с основной станцией Союзнического флота в системе, а с одной из безымянных орбитальных конструкций, принадлежащих Крылатым.

Убежище приближалось. Это была крупная – в полтора раза больше Земли – планета суровых каменистых пустошей и мелких, но многочисленных морей. В свете Тау Кита облака единственного обитаемого мира системы были сиреневого цвета. Две бронзовые луны плыли в пространстве на приличном расстоянии друг от друга.

После сражения в поясе Корнуолла казалось, что здесь тишь и благодать. Гравитацию на корабле перевели на «ноль», оставили включенной лишь компенсацию критических перегрузок.

Задорожный взял управление кораблем на себя, нам же с Кучером можно было отдохнуть. Я словно прикипел к креслу, и выбраться из него оказалось нелегко. Руки и ноги плохо слушались, словно после непомерной физической нагрузки. Еще бы – в таких сражениях нам участвовать не доводилось. Во время учений на Геенне тоже было круто, но ведь то – всего лишь учения! А возле Поллукса мы и сами постреляли по врагу, и выжили, получив дырку в корпусе. Страшно подумать, сколько ребят погибло в бою. На каждой «элке» служат по сорок – сорок пять человек, так что арифметика простая.

Я снял шлем, закрепил его с обратной стороны спинки кресла. Встретился взглядом с Любимовым. Командир был угрюм и задумчив. Неестественно бледен, точно съел что-то не то. Он кивнул мне, мол, спасибо за службу, и отвернулся к своему монитору.

Створки люка разъехались в стороны, Серега выплыл в коридор. За ним последовал и я. Все наши крейсера были вроде гусениц четырехсотметровой длины, собранных из модулей-сегментов. Во всех модулях имелась собственная система жизнеобеспечения, и в случае серьезной аварии их можно было расстыковать. В таком случае «элка» превратилась бы в подобие разобранной детской пирамидки. Правда, до сих пор не слышал, чтоб кто-то на практике применял этот метод.

В кубрике оказалось полным-полно людей. Это из-за Крылатых, которые расположились на свободных койках, что тянулись в два ряда вдоль переборок. Одиннадцать человек в тонких комбезах, которые надевают под скафандры, смерили нас взглядами, и никто не сказал ни слова. Чтобы не беспокоить наших гостей и союзников, мы с Серегой достали запасные спальники и прикрепили их на «тараканьи места» – то есть на подволоке. Один черт – гравитация «ноль».

Крылатые взопрели, как мыши, в своих боескафандрах и теперь благоухали на весь кубрик. Наши поглядывали на них искоса. Кстати говоря, на любом крейсере во время похода запашок стоит, как в спортивной раздевалке, а тут еще такой перебор по количеству душ.

Присутствие осназовцев сковывало всех. Те молчали, как неживые. Смотрели кто в палубу, кто в подволок. Кто – друг на друга.

Работа у них, конечно, была собачьей. Что они пережили на том астероиде-спутнике? Сколько «мумий» отправили в мир иной, сражаясь с ними не на расстоянии сотен километров, как мы, а лицом к лицу? Сколько своих товарищей оставили на подземных горизонтах?

И какого дьявола их вообще туда занесло? Ведь на Объект-114 высаживались десантники из «островитян»! Осназ Крылатых – откуда? И ведь не спросишь же... Я поглядел в лицо первого попавшегося Крылатого – тот жевал жвачку и смотрел стеклянным взглядом на мысок своего башмака.

Я устроился в спальнике. Уснуть, когда перед тобой вспыхивают и сгорают космические корабли – стоит только закрыть глаза, – естественно, невозможно. Я, в общем-то, даже не пытался.

Наши ребята обсуждали вполголоса битву. Ее мало кто видел... Только «оптикам» довелось любоваться зрелищем на своих экранах: под разными ракурсами и с разным увеличением. Говорили в основном о своих ощущениях. У кого-то – мурашки по коже в то время, когда нас облучают радарными наведения, у кого-то чешется в паху, когда мимо ЛК-50 пролетает снаряд рельсовой пушки. Обычные байки. У всех, конечно, был жуткий тремор после битвы. И у меня, безусловно, тоже. Начинает быстрее биться сердце, потом леденеют руки и ноги... Хорошо, что сейчас, а не тогда, когда я за пультом.

Я узнал, что, помимо дыры в модуле гравитроники, мы получили уйму микропробоин по всему корпусу. Что у нас травят баки с горючкой и окислителем, что за последние два часа мы потеряли столько воздуха, сколько не смогли бы израсходовать за двое суток...

– Садыкова и Носова убило в гравитронной... Рустама – сразу, осколок сквозь него пролетел, а Сашка просто не добежал... Я успел под створкой люка проскочить, а он там остался...

Вот еще одна исповедь. Сидит на воздухе, придерживаясь за койку, занятую Крылатым осназовцем, наш мичман-гравитронщик и словно нехотя, по фразе, изливает то, что у него на душе.

– Пацаны в пакетах сейчас лежат. Во вспомогательном модуле.

– Война есть война, – отвечает ему Толя Беркович. – Осталось, что похоронить, – и на том спасибо.

– За что – спасибо? – не понимает мичман. – Кого мы спасали? Кого мы должны были спасти? – спрашивает он ближайшего Крылатого. Осназовец молчит.

– В самом деле, – неожиданно решает поддержать мичмана старший инженер Эдик Озерян. – Кто из вас старший по званию? – обращается он к Крылатым.

– Мое звание соответствует вашему званию капитана. – Один из Крылатых расстегивает ремни, которыми он прикрепил себя к койке, и выплывает в проход. В его движениях – грация бойца, натренированного сражаться в любых условиях. От ноля «же» до двух и даже трех. Крылатый зависает подо мной. – Я – командир группы особого назначения. Мое имя – Сааведа.

– Так кого мы спасали? – вновь повторяет вопрос мичман. – Военнопленных? Заложников? Кого?

– Значит, так, союзники... – капитан Сааведа вздыхает, обводит кубрик взглядом, затем говорит бесцветным тоном: – Мы не вправе разглашать какую-либо информацию о нашей миссии. Мы – солдаты, и вы – солдаты. Все мы выполняем приказы и друг друга понимаем, верно?

Молчание. Сопение. И внезапно громким кажется гул вентиляции.

– Верно, капитан, – отвечает Озерян. – Мы не знали, что ваше задание секретно.

– Не спрашивайте ничего, союзники, – Сааведра снова подтягивает себя к койке. – Скоро мы покинем ваш корабль.

– Да понятно, капитан, – говорит Беркович. – Это нервы у всех после битвы шалют.

– Конечно, – соглашается Сааведра, и на его лице появляется ледяная усмешка. Немного жутковатая, на мой взгляд.

Вялый разговор продолжается больше часа, затем звучит сигнал – предупреждение о предстоящем маневре; Задорожный готовился вывести ЛК-50 на траекторию сближения со станцией Крылатых.

Какое-то время ощущалось ускорение, направленное в сторону кормы. Наши спальные прижало к подволоку, как прижимает водоросли ко дну подводным течением. Потом снова наступила невесомость. Мы с Кучером перекинулись парой слов и решили вернуться в рубку, хотя нас не вызывал командир, и мы могли отдыхать со спокойной совестью. Но в переполненном кубрике оставаться желания не было. К тому же предстояли не обычные сближение и стыковка с любой из станций Союзнического флота, а с какой-то зашифрованной ерундой на орбите Убежища.

Я занял свое место, надел шлем и перчатки. На фоне сиреневых облаков секретная станция Крылатых выглядела черной кляксой. Задорожный справлялся с нашей «элкой» на «отлично». Был он пилотом опытным и вдоволь налетался на стареньких КК в те годы, когда я еще протирал штаны в Академии.

– Что говорят союзники? – поинтересовался Любимов.

– Молчат, Валерий Петрович, – ответил Кучер. – Миссия у них, мол, «совершенно секретно».

– Ничего не вывести?

– Ничего.

– Ну и черт с ними...

– Секретная миссия... секретная станция... – протянул старпом.

– Попахивает этот приказ, мужики, – хмуро добавил Любимов. – Добра не жди.

– Ну да, с адмирала – взятки гладки! – высказался Кучер.

– Сергей! – я не видел лицо Задорожного, но живо представил, как он морщится.

– Не переживай! Если что случится, ответственным сделают не тебя, – отмахнулся командир.

Я посмотрел в иллюминатор. Станция была уже рядом. Редкие навигационные огни; корпус, покрашенный в черный цвет, турели пневмопушек, пара «воронов», уткнувшихся носами в один и тот же стыковочный узел с двух сторон. Небольшая орбитальная крепость.

– Где нас принимают? – спросил я.

– Вторая ремонтная платформа, – ответил старпом.

– О! Это надолго... – проговорил удрученным голосом Кучер.

– Хватит болтать! – не выдержал Задорожный. – Ну-ка, за штурвал!

– Есть! – отозвался Кучер и вывел свой пульт из режима ожидания.

Состыковались гладко. Ремонтные механизмы Крылатых – многорукие роботы на реактивной тяге – сразу же приступили возводить вокруг крейсера леса. Со всех сторон к ЛК-50 потянулись кабели и трубопроводы.

Что ж, по крайней мере, горючкой, окислителем, воздухом и водой нас заправят на халяву, за счет Вселенского флота Крылатых. И, быть может, боекомплект пополнят.

Любимов передал командование Озеряну – тот должен был со своими людьми контролировать ремонт корабля, а остальным офицерам приказал готовиться к переходу на станцию.

– Эдуард! Дай гравитацию маленько, и пусть экипаж займется уборкой! – распорядился Любимов напоследок. И почти сразу я почувствовал, как невидимая рука мягко толкнула меня вниз. Подошвы ботинок уперлись в палубу.

Возле шлюза ждал капитан Сааведра со своими людьми.

– Товарищ капитан третьего ранга! – точно в доску свой землянин обратился Сааведра к Любимову. – Примите мою благодарность. Простую человеческую благодарность! – И он снова улыбнулся гаденькой улыбкой. Вроде ничего такого в ней не было, а все равно не по себе становилось. Хоть у меня и крепкие нервы.

– Мы выполняли свой долг, капитан, – ответил Любимов и жестом пригласил Сааведру встать рядом с собой и старпомом.

Створки люка разъехались. Мы увидели встречающих: вице-адмирала Крылатых в сопровождении пяти офицеров. Мы отдали друг другу честь. Любимов и Сааведра представились хозяевам на языке Гнезда, все как положено.

– Вице-адмирал Шандар, – назвал в ответ старший офицер. – Командир этой станции. Капитан Сааведра, выводите своих людей.

Сааведра взмахнул рукой, и осназовцы один за другим, в две колонны, перешли из шлюза крейсера в шлюз станции. Хмурый офицер из сопровождения вице-адмирала тут же повел их и Сааведру в направлении центрального модуля.

– Капитан Любимов, – снова заговорил Шандар. – Вынужден сообщить о том, что координаты этой станции необходимо будет удалить из памяти ваших компьютеров. И сделать это требуется под надзором моего специалиста.

Я увидел, как напряглись желваки на лице Любимова.

– Вас понял. Капитан-лейтенант Беркович удалит данные, господин вице-адмирал.

Шандар кивнул. Черное перо в его седых волосах качнулось.

– Благодарю за сотрудничество и понимание, союзник.

Беркович и специалист Крылатых – невзрачный, с водянистыми глазами офицер – пошли в шлюз нашего корабля.

– Вице-адмирал, необходимо известить командующего Сводной эскадрой адмирала Лардара о том, что ЛК-50 прибыл на место назначения и что его экипаж ждет дальнейших указаний.

– Адмирал Лардар пришлет сюда авизо, как только его корабль покинет сектор Указывающего Пути. Насколько я понимаю, кампания еще не окончена.

Да, в ночном небе Гнезда Поллукс всегда указывает на север. Значит, мы сражались в окрестностях звезды, которая была путеводной для многих поколений Крылатых. Забавно... Хотя это ничего не значит. Просто совпадение.

Любимов хмыкнул.

– В таком случае мой корабль должен вернуться в эскадру, как только он будет подготовлен к вылету.

Шандар покачал головой.

– К тому времени адмирал или пришлет авизо, или переместится из сектора Указывающего Пути в другую звездную систему. Едва ли он вернется на базу, что на орбите Места Дождя – вашего Хуракана. Не станете же вы искать эскадру по всей Галактике?

– Похоже, вы правы, господин вице-адмирал, – Любимов оглянулся, посмотрел на нас, заглянул в шлюз ЛК-50, снова повернулся к Шандару. – И у нас нет иного выбора – только ждать.

Шандар улыбнулся.

– Я понимаю, капитан, что вы рветесь вернуться туда, где, быть может, продолжают сражаться ваши товарищи. Но миссия ЛК-50 на данный момент считается успешно завер-

шенной. Пойдемте в командный центр, я ознакомлю вас с приказами, которые мы получили касательно вас, союзники.

– Буду признателен, – кивнул Любимов.

Один из Крылатых прочистил горло и спросил:

– На борту есть раненые?

– Нет. Двое убитых, – сказал Любимов, помрачнев еще сильнее. – Мы можем переместить их в ваш морг?

– На станции нет морга, – ответил вице-адмирал. – Но на Убежище есть кладбище землян. В Долине Туманов живет небольшая община выходцев с вашей планеты. Несколько фермеров, несколько ученых, несколько бездельников и даже священник какой-то из ваших церквей. – От нас не укрылось то, что священник вызывает у Крылатого большую неприязнь, чем бездельники. Естественно – это им не слуга культа Эдема. – Если хотите, я выделю челночный корабль, чтобы перевезти тела на Убежище. Несколько членов экипажа могут сопровождать убитых.

– Что ж, – вздохнул Любимов. – Это было бы благородно с вашей стороны, вице-адмирал.

– Не стоит, капитан, – Шандар снова качнул пером. – Уверен, что командование Вселенским флотом по достоинству оценит ваши действия.

– Задорожный! Ильин! – Любимов повысил голос. – Вы будете сопровождать тела убитых на Убежище. И проследите, чтоб их похоронили как положено!

– Есть! – ответили мы со старпомом в один голос.

Это, конечно, было несколько неожиданно. Убежище... Чертовски любопытно. Планета младшей расы. Примитивное человечество. Дикари и каннибалы. Всегда хотел взглянуть, как живут и работают в таких условиях земляне.

Пока суд да дело, мы с Задорожным посмотрели, как Крылатые выгружают с ЛК-50 скафандры осназовцев – черные, похожие на жуков-скарабеев, вставших на задние лапы, экзоскелеты. На панцирных пластинах виднелись вмятины и царапины, броня кое-где была оплавлена, а забрала некоторых шлемов украшены трещинами. Старпом присвистнул. Что-то там серьезное произошло – на астероиде-спутнике, похожем на огрызок яблока.

Скафандры Крылатые установили вертикально, спиной к спине, на платформе с шасси. Подцепили электрокаром и утащили в ремонтную мастерскую.

Затем настала очередь нашего скорбного груза. Крылатые, надо отдать им должное, вытянулись по стойке «смирно» и взяли под козырек, когда младшие космолетчики с ЛК-50 вытащили два продолговатых пакета из плотного черного полиэтилена.

Погибших гравитронщиков погрузили в кузов прицепа второго электрокара. Их должны были сразу же перевезти на шаттл – на крошечный, но мощный корабль класса «колибри», который был способен садиться на планеты с плотной атмосферой и взлетать с их поверхности в космос.

Я вернулся на крейсер. Побрился, сменил летный комбез, который в считанные секунды можно было трансформировать в легкий скафандр, на повседневную форму. Повесил на руку плащ – в Долине Туманов, судя по всему, стояла прохладная погода. Нахлобучил на голову фуражку.

Отсеков и коридоров свободного доступа на этой станции было как кот наплакал. На всех люках перемигивались огоньками электронные замки, то тут, то здесь стояли, прижимая к груди автоматы, десантники в шлемах и тяжелых бронежилетах.

В центральном коридоре меня нашел Любимов.

– Женя! Где Задорожный?

Я оглянулся. Старпом чего-то задерживался.

– Похоже, что еще на «элке», Валерий Петрович. Готовится.

– Ладно. Такая просьба, – Любимов понизил голос. – Пспрашивай ненавязчиво... Про эту станцию вряд ли кто-то путное расскажет. Но, может, слушок какой-нибудь ходит, чем здесь занимаются Крылатые. Ненавязчиво так, без фанатизма. На уровне ненаказуемого бытового любопытства.

– А вы что подозреваете? – я тоже понизил голос.

– Это не обычная боевая станция, сам же видишь, – Любимов указал подбородком на дежуривших в дальней части коридора десантников. – Не думаю, что такой уровень охраны – здесь обычное дело. Очевидно, посты выставили перед нашим прибытием. Союзники опасаются, как бы мы не узнали чего лишнего.

– Да как тут узнаешь? – опешил я. – Каждый люк закрыт на десять замков.

– Вот и я о том же. Представь: у тебя разгерметизация модуля! И нужно десять замков открыть, чтоб в соседнюю секцию перебраться до того, как упадет давление. Несоответствие ведь?

– Да, нестыковка, – согласился я.

– У меня предположение, – Любимов и вовсе перешел на шепот, – что здесь Крылатые занимаются тем же, чем занимались «мумии» на спутнике Объекта-114.

– И, естественно, мы ничего об этом не знаем.

– Да. Мы не узнаем. «Островитяне» тоже, похоже, не узнают.

– Черт! – смог лишь выдать я. – Конкуренция старших рас!

– Вот именно, – согласился Любимов.

Через полчаса Задорожный и я заняли места в «колибри». Распластались на ложемент-тах, пристегнулись ремнями.

Зеленые огни на индикаторах, размещенных на подволоке перед нашими лицами, мигнули и сменились красными. «Колибри» расстыковалась со станцией, и сразу же наступила невесомость.

Глава 6

Миссия: «Тихо-тихо».

Задача: смотреть и слушать.

Звезда: Тау Кита (звезда, относительно близкая к Солнцу).

Планета: Убежище.

Особые примечания: община землян на Убежище – микросообщество, живущее по собственным законам.

Туман наполз со стороны моря и в считанные мгновения поглотил поселок землян, да и всю долину. Сумеречное небо, в котором даже днем светили самые яркие звезды окрестностей, стало пепельно-серым, тяжелым. Звезды скрылись, крошечный диск Тау превратился в размытое блеклое пятно.

Кладбище было маленьким. Пятачек пустоши, огороженный по периметру невысокими валунами. Полдюжина железных, покрашенных в белый или бирюзовый цвет крестов торчали из каменистой земли.

Трое аборигенов-прятунов орудовали лопатами, посапывая от напряжения. Нагие по пояс, одетые в дешевые китайские джинсы, они были из тех, кто ошивался вблизи поселка землян и брался за любую работу, требуя в награду выпивку или ширпотреб. Дело шло споро. Тела погибших гравитронщиков быстро исчезли под слоем земли. А вокруг клубился туман, словно дым, и долетали издали шелест волн и петушиные крики – в поселке держали кур.

– Что ж, дело сделано, – сказал через некоторое время Задорожный. – Пойдемте, помянем ребят.

Степан Гагаринов – староста поселка и эколог, Анна и Алексей Козловские – пожилая семейная пара фермеров, да батюшка – отец Антоний, – вот и все, кто пришел проводить наших космолетчиков в последний путь.

Местные побрели к поселку, безошибочно взяв направление, что, по-моему, было невозможно сделать без компаса в таком молоке. Прятуны поплелись следом за нами, закинув лопаты на плечи. От аборигенов сильно несло мускусом.

Задорожный захватил с корабля десять банок тушенки «Второй фронт» и двухлитровую пластиковую баклажку со спиртом. Поминать так поминать. Тутюшние земляне с пониманием отнеслись к нашей просьбе похоронить ребят на своем кладбище и взялись помогать, кто чем может. Звездный флот Земли они уважали, хотя и не скрывали, что на Убежище привыкли иметь дело с Крылатыми, а не с соотечественниками. Мол, Земля далеко, а Крылатые – отовсюду.

Мы со старпомом были атеистами – насколько это возможно для тех, кто побывал под вражеским огнем, – но тронула нас панихида, которую провел отец Антоний. Отпел батюшка ребят, как родных, даже в глазах у меня защемило.

Из тумана проступили силуэты построек. Древесина на Убежище была редким материалом и ценилась высоко. Поэтому дома лепили из камня и металлического хлама, вроде списанных модулей космических станций и кораблей, кусков обшивки, старых баков и обтекателей.

Вдоль главной улицы земляне посадили сосны, но те мутировали и превратились в какие-то корявые зонтики полутораметровой или двухметровой высоты. Та же беда творилась, насколько я слышал, и на огородах. Вместо капусты и лука прорастали горькие уродцы. Поэтому дела в поселке шли ни шатко ни валко. Если бы не помощь Крылатых, так вообще пришлось бы землянам покинуть Убежище.

Пара дворняг кинулась нас встречать. Ко мне и Задорожному они относились как к старым знакомым, хотя видели только во второй раз. А вот с прятунами собаки вели себя обычно настороженно; аборигены, впрочем, платили им той же монетой.

Пятеро прятунув строили вокруг склада забор из необработанного камня. Двое месили лопатами цементный раствор, один таскал его ведрами, двое клали камень. Гагаринов подошел пообщаться с работягами. Завязался оживленный разговор. Прятунуны говорили по-русски быстрыми, отрывистыми фразами и сильно коверкали слова. Гагаринов же излагал, как диктор на радио: не торопясь, тщательно проговаривая, иногда вставляя что-то на языке прятунув, очевидно – ругательства. Со стороны было занимательно наблюдать это взаимопроникновение двух человечеств.

Отец Антоний сказал, что пойдет домой – отнесет кадило, а потом вернется. Мы же потянулись за Козловскими – поминки должны были состояться у них дома. Трое аборигенов с кладбища не отставали.

Перед жилищем фермеров – приземистой лачугой, накрытой куполообразным обтекателем, – прохаживался пилот «колибри» – лейтенант Пренон. В дверях показалась дочь Козловских – худая и долговязая, но по-своему милая девица по имени Настасья. Она должна была хлопотать на кухне, ожидая, когда мы вернемся. Теперь же Настасья поспешила выйти к нам с ведром воды, ковшом, мылом и полотенцем.

– Как прошло? – девушка зачерпнула ковшом из ведра, я подставил руки. Теплая вода потекла на камни под нашими ногами.

– Мы благодарны вам, – я улыбнулся. – Лучше нельзя было сделать.

– Сами как? – снова спросила Настасья и подала полотенце.

– Осваиваемся, – ответил я. – Немного непривычно все выглядит, уж извините. Эти хижини, море, туманы, прятунуны и дворняги с петухами... На Хуракане все было по-другому.

– А как было на Хуракане?

– Дожливо и насекомые во-от такого размера, – я развел в стороны руки, точно хвастливый рыбак. – Я расскажу вам позднее, Настя.

– Фу! Вот такие большие, что ли? Интересно-интересно. Вы, наверное, и Землю помните? – Она принялась лить воду в подставленные ладони Задорожного.

– Ха! – усмехнулся тот в усы. – Конечно, помним!

– А я – уже плохо, – призналась Настасья. А потом пожаловалась: – Скучновато здесь...

Я поглядел на девушку. Сколько, интересно, лет ей было, когда Козловские решились переселиться с раздираемой кризисами Земли на Убежище? Не думаю, что жизнь на Убежище могла бы показаться кому-то скучной: малоисследованный мир, населенный дикарями. Тут не будни, а сплошные приключения. Ну, наверное, и соседство с каннибалами через какое-то время перестает щекотать нервишки. И становится... даже не скучно, а скучновато – да, с легким пренебрежением.

– Лейтенант Пренон! – окликнула Крылатого Анна Козловская. – Что вы там как не родной! Мойте руки и к столу!

Пренон нехотя засучил рукава комбеза, подошел к Настасье, затем снова отошел, заглянул внутрь хибары: увидел длинный стол, заставленный нехитрыми закусками. Спустил рукава и смущенно поглядел на меня и на старпома.

– Пусть не покажется, что я смею высказывать неуважение к обычаям союзников... – проговорил он растерянно. – Но я должен доставить груз в Область Равновесия. Я прошу извинить...

Задорожный вытер руки, повесил полотенце на плечо Настасьи.

– Конечно. Мы вас понимаем. Делайте свою работу. Из поселка мы никуда не денемся: на тысячу километров вокруг – одни камни.

– Не забудьте только нас забрать, – добавил я, закуривая.

Аборигены с кладбища заходили носами, жадно лоя дымом. Они тоже встали в очередь, чтобы помыть руки. В общем, чувствовали себя как дома.

– Вот вы, Пренон, – как всегда! – Хозяин дома упер руки в бока. – Не выпить с вами, не закусить! Сколько можно повторять: курица – это не птица! Крылатым на Эдеме позволялось употреблять в пищу курятину.

– Вернусь через сутки, – сообщил Пренон, пропустив тираду Козловского мимо ушей.

– Сутки Гнезда? – уточнил я.

– Конечно, – усмехнулся пилот. А потом посерьезнел, подобрался и сказал: – Примите соболезнования, союзники. Как у вас говорят: пусть земля будет пухом!

Пренон раскланялся с хозяином, повернулся кругом и ушел. Высокий, подтянутый, в черном комбинезоне пилота. И с коротким серо-белым пером за ухом.

– Вот индюк! – обронил вполголоса Задорожный.

– Не-не-не! – живо возразила Анна Козловская. – Хороший парень. Свой. Даже женить его хотели на девочке с Земли.

Старпом указал глазами на Настасью:

– На ней, что ли?

– Не-не-не! – снова возразила Козловская. – За этой очередь стоит: вот прям до Земли Ненасытных хвост тянется.

Я совсем не знал мирографию Убежища, но подумал, что Земля Ненасытных, должно быть, находится где-то далеко.

– Откуда же у вас столько молодых ребят наберется? – удивился Задорожный.

– Ну, дык, – хмыкнул Алексей Козловский. – Нам не обязательно, чтоб прям уж молодой был. Это – раз. А недавно студенты-биологи с Земли пожаловали. Я вот думаю, если они биологи, то за моими курами ухаживать смогут?

Настасья вылила остатки воды под ствол березки-мутанта и фыркнула.

– Так они ведь – проездом! – ухмыльнулся Задорожный. – Смотри, отец! Заберут на Землю дочку!

– Я им покажу – проездом! – приосанился Козловский. – Пролетом пронесутся! На Земле ловить нечего...

– А на Убежище? – поинтересовался я.

Козловский не ответил. Огладил бороду, затем жестом пригласил меня пройти в сени. Было ясно, что этот фермер более или менее твердо стоит на ногах: поселок выживал во многом благодаря его птицеводству.

Из тумана вышел отец Антоний. Он сменил рясу на старенький коричневый костюм. И все потянулись в дом. Прятуны – тоже. Аборигены успели приодеться: один накинул на голый торс пиджак с чужого плеча, второй – майку-сеточку, третий – спортивную куртку.

Расселись за столом. Последним примостился на табурете возле выхода Гагаринов. Аборигены тут же принялись заполнять свои тарелки тушенкой и жареной курятиной. А Настасья тем временем расставляла перед собравшимися глубокие тарелки, в которых дымилось харчо.

О погибших мы знали мало, кроме того, что они прекрасно справлялись с гравитронным оборудованием. И разговор как-то сам собой зашел о «мумиях» и о боестолкновениях с вражескими кораблями в пространстве союзников. Нам со старпомом было запрещено даже намекать на то, что произошло в системе Поллукса, поэтому пришлось врать. История, которую мы пересказывали, произошла на самом деле. ЛК-50 выследил «виверну» возле дальнего компонента тройной звезды Эпсилон Индейца – коричневого карлика, больше похожего на газовый гигант, вроде Юпитера, чем на звезду. Обменялись ударами с расстояния тысячи километров. Нам повезло, а «виверне» – нет. Серьезно поврежденный крейсер «мумий» рух-

нул в атмосферу коричневой недозвезды. Вот этот случай нам и пришлось использовать вместо легенды.

И о секретной станции Крылатых тоже не обмолвились. Сказали, что прилетели с союзнической базы. Лейтенант Пренон, кстати, говорил местным то же самое. Да они сильно и не расспрашивали.

– Давным-давно, – неожиданно сменил тему Алексей Козловский. – Джеймс Кук решил, что с каннибализмом туземцев Новой Зеландии следует бороться не посредством пушек и ружей, а с помощью картофеля. – Все невольно поглядели на уминающих суп и тушенку прятун. – У Кука ничего, правда, не получилось. А я попробую победить каннибализм при помощи курятины!

Супруга тут же напомнила хозяину о том, по какому поводу собрались. Козловский смутился, затем пробормотал: «Царствие Небесное новопреставленным», широко перекрестился и саданул рюмку разбавленного водою до сорокаградусной крепости спирта.

– Так что у вас с Крылатыми? – спросил Задорожный. – Помогаете друг другу?

– Помогаем. А как же не помогать? – ответила Анна Козловская. – Все ведь – люди.

Отец Антоний печально вздохнул. Похоже, он был не вполне согласен.

– Но Крылатых тоже немного на планете, – сказал я. – Несколько поселков, и только.

– Да, растениеводство на Убежище не прижилось, – поддержал Гагаринов. – И полезные ископаемые Крылатых не интересуют. Куда проще добывать металлы на астероидах, а углеводороды – на планетах или лунах, таких как Титан, чем здесь.

– На Убежище есть лишь один ресурс, который нужен Крылатым, – Козловский многозначительно поглядел мне в глаза. – Это люди. В нашем случае – прятун.

– Этого ресурса и на Земле – навалом, – усмехнулся Задорожный. – Там в три раза больше людей, чем их можно прокормить. А колонии наши развиты слабо...

– Кто ж их будет развивать, если все средства уходят на войну? – удивился Гагаринов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Стоимость полной версии книги 59,90р. (на 03.04.2014).

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.